

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2022
1(31)

ISSN 2587-9472
Эп № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 1 (31)' 2022

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте

Заместитель главного редактора:

Алешукина С.А.,

*канд. юрид. наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности
Тверского государственного университета*

Редакционный совет:

Председатель – Семенов А.В., д-р экон. наук, проф., ректор Московского университета имени С.Ю. Витте;

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте;

Букалерева Л.А., д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;

Землин А.И., д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой транспортного права и административного права Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II;

Сауляк О.П., д-р юрид. наук, проф., председатель московской коллегии адвокатов «Юристы-профессионалы»;

Чеха В.В., д-р юрид. наук, руководитель представительства Россотрудничества в Республике Абхазия.

**Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.**

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2022

**СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ПУБЛИЧНОГО ПРАВА**

НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (АДМИНИСТРАТИВНОГО И УГОЛОВНОГО) В СВЯЗИ С РАЗРАБОТКОЙ НОВОЙ РЕДАКЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ПОГРЕБЕНИИ И ПОХОРОННОМ ДЕЛЕ»	5
<i>Гайдашов Александр Васильевич</i>	

К ВОПРОСУ РЕАКТУАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ МОЛОДЫХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ В РОССИИ	10
<i>Митяева Юлия Владимировна</i>	

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	17
<i>Самородов Дмитрий Альбертович</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

СООТНОШЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ UDRP И ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА	23
<i>Слабоспицкий Анатолий Сергеевич, Емжуева Олеся Владимировна</i>	

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ**

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ СИСТЕМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ	28
<i>Кривошеев Сергей Владимирович</i>	

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАДЕРЖАНИЯ СОГЛАСНО НОРМАМ УПК РФ	33
<i>Теплякова Ольга Алексеевна, Рафиков Мансур Мухаметович</i>	

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА	39
<i>Завьялова Наталья Алефтиновна</i>	

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ	48
<i>Хмиль Ирина Владимировна</i>	

CONTENTS

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

DIRECTIONS OF MODERNIZATION OF LEGISLATION (ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL) IN CONNECTION WITH THE DEVELOPMENT OF A NEW VERSION OF THE FEDERAL LAW "ON BURIAL AND UNDERTAKING"	5
<i>Gaidashov A.V.</i>	
ON THE ISSUE OF REACTUALIZATION OF THE SUFFRAGE OF YOUNG VOTERS IN RUSSIA	10
<i>Mityaeva Yu.V.</i>	
THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE	17
<i>Samorodov D.A.</i>	

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

CORRELATION OF THE UDRP PROCEDURE AND ARBITRATION PROCEEDINGS.....	23
<i>Slabospitsky A.S., Yemkuzheva O.V.</i>	

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

THE USE OF DIGITAL SYSTEMS IN THE ACTIVITIES OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS AND PRE-TRIAL DETENTION CENTERS.....	28
<i>Krivosheev S.V.</i>	
ON SOME PROBLEMS ARISING IN THE ACTIVITIES OF THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION IN THE IMPLEMENTATION OF DETENTION IN ACCORDANCE WITH THE NORMS OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	33
<i>Teplyakova O.A., Rafikov M.M.</i>	

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF THE MURDER OF A NEWBORN CHILD BY A MOTHER	39
<i>Zavyalova N.A.</i>	
INTERNATIONAL LEGAL MECHANISMS OF ENSURING THE RIGHT TO EDUCATION	48
<i>Khmil I.V.</i>	

УДК 342+ 343.3/7

НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (АДМИНИСТРАТИВНОГО И УГОЛОВНОГО) В СВЯЗИ С РАЗРАБОТКОЙ НОВОЙ РЕДАКЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ПОГРЕБЕНИИ И ПОХОРОННОМ ДЕЛЕ»

Гайдашов Александр Васильевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: alex.gav63@yandex.ru,

¹Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия

Статья посвящена проблеме прозрачности «похоронного» бизнеса, обеспечению баланса частных и публичных интересов при погребении и содержании кладбищ. Анализируются злоупотребления в сфере «похоронного» бизнеса, предлагаются варианты решения указанных проблем. Отдельное внимание уделяется ненадлежащей деятельности органов местного самоуправления в части организации и содержания мест погребения, несоблюдения правил целевого использования земель. Как результат изучения обозначенных автором проблем, дается положительная оценка лицензирования похоронных услуг, которое должно очистить рынок от нелегальных участников, способствовать наполнению бюджета страны, соблюдению прав и законных интересов членов семьи умершего. На основе открытой информации и анализа проекта Федерального закона РФ «О погребении и похоронном деле» предлагается внесение изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации, направленных на предупреждение и пресечение общественно опасных деяний при осуществлении предпринимательской деятельности в сфере погребения и похоронного дела.

Ключевые слова: похоронное дело, административные правонарушения, преступления, законопроект, захоронение, кладбище, ритуальные услуги

DIRECTIONS OF MODERNIZATION OF LEGISLATION (ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL) IN CONNECTION WITH THE DEVELOPMENT OF A NEW VERSION OF THE FEDERAL LAW "ON BURIAL AND UNDERTAKING"

Gaidashov A.V.¹,

PhD in Law, associate professor,

e-mail: alex.gav63@yandex.ru,

¹Tver State University, Tver, Russia

The article describes the problem of transparency of the "funeral" business, ensuring the balance of private and public interests in the burial and maintenance of cemeteries. Abuses in the sphere of the "funeral" business are analyzed, options for solving the problems indicated in the article are proposed. Special attention is paid to the improper activities of local governments in terms of organizing and maintaining burial sites, non-compliance with the rules for the intended use of land. As a result of studying the problems identified by the author, a positive assessment is given of the licensing of funeral services, which should clear the market of illegal participants, help fill the country's budget and respect the rights and legitimate interests of the family members of the deceased. Based on open information and analysis of the draft Federal Law "On burial and undertaking", the author proposes to amend the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, aimed at preventing and suppressing socially dangerous acts in the implementation of entrepreneurial activities in the field of burial and undertaking.

Keywords: funeral business, administrative offenses, crimes, bill, burial, cemetery, funeral services

DOI 10.21777/2587-9472-2022-1-5-9

Тема похоронного бизнеса уже давно находится в центре внимания всего нашего общества. Что бы ни случилось, люди никогда не перестанут есть, пить, рождаться и умирать. Объем рынка похоронных услуг в России оценить довольно сложно. По оценке экспертов, ежегодно в Москве умирают до 100 тыс. человек, а в Петербурге – 50 тыс. [1, с. 83].

В скором времени Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации может рассмотреть законопроект «О погребении и похоронном деле». Этот документ должен упорядочить сферу ритуальных услуг, представители которой зачастую становятся фигурантами криминальных сводок. Правоохранительные органы выявляют в действиях органов местного самоуправления основные нарушения в похоронном деле, среди которых отсутствие специализированных служб в муниципалитетах, наличие неоформленных общественных кладбищ и непрописанных правил содержания мест погребения. Большинство нарушений, выявленных прокуратурой, составляют крайне завышенная стоимость услуг по погребению, факты заключения договоров оказания ритуальных услуг без проведения торгов, нарушения санитарных норм. Выявлено, что в Фонде социального страхования РФ при выплате социального пособия на погребение у граждан требовали не предусмотренные законом документы, а также имели место ситуации, когда кладбища организовывались на землях лесного фонда, рекреационного назначения и др.

Одна из многих проблем, с которой родственники могут столкнуться сразу после печального известия о смерти близкого, – это нелегальные участники похоронного рынка. По словам представителей бизнеса, доля криминализированных агентств и так называемых «черных» агентов сегодня составляет порядка 70 %. Именно такой процент данных об умерших, по неофициальной информации, выкупается нечистыми на руку предпринимателями у правоохранительных органов и медицинских работников. Нередко «черные» агенты выдают себя за государственные организации, используют официальный герб, другую официальную символику на своих сайтах и в рекламных материалах. Зачастую поисковые системы по запросам о похоронных услугах выдают ссылки на нелегальные фирмы наравне с действующими законно, а отличить их бывает крайне нелегко. Самое главное – разница в стоимости услуг. В среднем, сумма чека у «черных» агентов может на 30 тыс. р. превышать стоимость услуг легальных организаций. Примерно такую сумму нелегалы платят за выкуп информации об умершем. Если родственникам после смерти близкого человека начинают звонить «доброжелатели» с предложением заняться похоронами, то это главный признак того, что звонящие действуют вне правового поля. Например, в г. Твери, по самым скромным подсчетам, объем «серого» рынка, связанного с похоронным делом, составляет 250 млн р. в год. Все эти деньги проходят мимо городской казны, а муниципалитет недополучает огромные суммы, которые могли бы пойти на реализацию значимых проектов в самых различных сферах [2; 3].

Избавиться от серых агентов на рынке ритуальных услуг поможет их лицензирование. После принятия законопроекта все компании, специализирующиеся на ритуальных услугах, должны получить лицензию, которая будет предоставляться на пять лет. Лицензирование будет введено относительно таких услуг, как прием заказа, заключение договора на организацию и сопровождение похорон, подготовка и проведение обряда, захоронение, эксгумация, перезахоронение останков, праха умершего, кремация останков умерших, реализация и доставка похоронных принадлежностей, изготовление и установка надгробных сооружений (надгробий), опайка цинковых гробов, уход за местом захоронения и др. Кроме того, проект Федерального закона РФ «О погребении и похоронном деле» гарантирует часть бесплатных услуг по погребению.

Согласно проекту, специализированная служба по вопросам похоронного дела не может отказать и не предоставить гарантированные услуги человеку, который взял на себя обязанность по организации похорон умершего. Так, организатору похорон – супругу, родственнику, законному представителю или другому человеку – будут бесплатно оформлять документы, необходимые для погребения, предоставлять и доставлять гроб и другие предметы, необходимые для ритуала (их список пока не уточняется). Кроме того, служба по вопросам похоронного дела должна будет бесплатно довести останки до кладбища или крематория и похоронить умершего (или провести кремацию с последующей выдачей урны с прахом). Проект закона предусматривает, что россияне, которые провели погребение за свой счет, будут иметь право на социальное пособие на погребение, равняющееся стоимости предоставленных

услуг. Наконец, законопроект предлагает возможность создания частных крематориев и колумбариев (хранилищ урн с прахом), частных кладбищ в форме государственно-частного партнерства. Последнее нововведение вызывает тревогу у специалистов в области экономической безопасности, опасаящихся появления криминальных захоронений и сжигания трупов с явными признаками насильственной смерти [4–6]. И здесь речь не идет о коммерческих объектах. На государственной земле будут организовываться новые кладбища с частными операторами, которые, в свою очередь, будут получать прибыль за оказанные услуги. Главный плюс в появлении частных кладбищ состоит в том, что благоустройство и уход за ними, отслеживание состояния могил будут полностью лежать на частном инвесторе. Население сможет получать ритуальные и дополнительные услуги в виде размещения в определенном месте захоронения семьи (рода), а также по благоустройству могил, в случае если родственники умершего находятся за рубежом. Все эти пункты являются основанием того, чтобы функции, которые сейчас полностью лежат на государстве, перешли в частные руки. Минусом новой системы могут стать злоупотребления со стороны операторов в вопросе ценовой политики, т.к. стоимость услуг будет устанавливаться владельцем того или иного бизнеса в индивидуальном порядке.

Несомненно, что цена будет произвольно определяться частным инвестором. Он будет устанавливать ее, исходя из кейса и пакета услуг, которые будут оказываться родственниками умершего человека. В таком случае существует огромная возможность для нарушений и принятия решений с учетом интересов частного инвестора, для которого извлечение финансовой выгоды будет являться преобладающим фактором. Одним из пунктов, которого стоит больше всего опасаться, является банкротство частного инвестора. В случае, если организация, предоставляющая услуги, обанкротится, а договор с другой организацией заключить не удастся, кладбище будет брошено, а все расходы на дальнейшее обслуживание мест захоронений будут лежать на родственниках или других лицах [7–9].

В новом проекте указанного федерального закона существует еще один пробел, касающийся запрета на перенос захоронений, который был прописан в законе о похоронном деле 1996 г. В перспективе появится реальная возможность для рекультивации кладбищ. В настоящее время перенос могил возможен только по трем причинам: природные катаклизмы (наводнения, землетрясения и другие бедствия); воля близких родственников; производство в рамках уголовного дела. В будущем может сложиться такая ситуация, что если за могилой никто не ухаживает, то работники кладбищ получают право ее снести.

Новый законопроект предполагает, что при каждом муниципалитете будет создан реестр организаций, занимающихся ритуальными услугами, что позволит отсеять те из них, которые работают на этом рынке не честно. Кроме того, для предотвращения недобросовестной конкуренции на рынке похоронных услуг необходимо доработать положение о квотировании специализированных служб по вопросам похоронного дела. Объекты ритуально-похоронного назначения должны учитываться, в том числе при составлении Генеральных планов развития муниципальных образований [10; 11].

Стимулом для соблюдения новых правил участниками рынка должны стать изменения, внесенные в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)¹ и Уголовный кодекс РФ² (далее – УК РФ).

Предлагается дополнить КоАП РФ административно-правовыми нормами.

1. В гл. 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций» следует включить:

– ст. 14.1.5 «Осуществление предпринимательской деятельности в области похоронного дела с нарушением лицензионных требований или без лицензии», в том числе:

а) ч. 1 «Осуществление предпринимательской деятельности в области похоронного дела без лицензии»;

б) ч. 2 «Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 настоящей статьи»;

в) ч. 3 «Осуществление предпринимательской деятельности в области похоронного дела с нарушением условий, предусмотренных лицензией»;

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

– ст. 14.4.3 «Нарушение законодательства о похоронном деле», в том числе ч. 1 «Нарушение порядка предоставления земельного участка для захоронения останков, праха умершего, незаконная подготовка могил, работы по организации похорон лицами, с которыми не заключено соответствующее соглашение».

В гл. 22 УК РФ следует включить новеллу – ст. 179.1 «Нарушение правил предоставления ритуальных услуг», в том числе:

– ч. 1 «Прямое или косвенное влияние на родственников с требованием заключить договор на организацию похорон только с определенным лицом или организацией»;

– ч. 2 – то же деяние, совершенное:

а) с применением насилия или угрозой его применения;

б) организованной группой.

Появление в КоАП РФ и УК РФ новых составов административных правонарушений и преступлений в сфере погребения и похоронного дела, с учетом степени общественной опасности совершенного деяния, позволит обеспечить соблюдение прав и законных интересов граждан Российской Федерации и допустить на рынок только организации, подтвердившие свою материально-техническую базу.

Список литературы

1. Антонова Н.А., Барткова О.Г., Очагова В.С. [и др.]. Проблемы современного российского процессуального и материального права (в поиске эффективных норм): монография. – Тверь: Тверской государственный университет, 2017. – 182 с.
2. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Бобинкин С.А. [и др.] Современное государство и общество: социально-экономические и правовые аспекты: монография / под ред. Н.В. Филиновой, Е.А. Фирсовой. – Тверь: Тверской государственный университет, 2019. – 241 с.
3. Куксин И.Н., Азнагулова Г.М. Правовое государство, право и общечеловеческие ценности // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3. – С. 10–12.
4. Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2018. – 96 с.
5. Антонова Н.А., Артемьев Д.Е., Барткова О.Г. [и др.]. Развитие права в информационном обществе: монография. – Тверь: Тверской государственный университет, 2018. – 174 с.
6. Артемьев А.А., Бобинкин С.А., Бондарчук А.Ф. [и др.]. Модернизация социально-экономической сферы в современной России: проблемы и суждения: монография. – Тверь: Тверской государственный университет, 2016. – 188 с.
7. Куксин И.Н. Социальные и юридические аспекты ответственности // Право и общество. – 2015. – № 2. – С. 189–199.
8. Матвеев П.А. Характерные черты договорной ответственности в торговом обороте // Российская юстиция. – 2018. – № 6. – С. 21–24.
9. Дюжилова О.М., Вязкина И.В., Скворцова Г.Г. [и др.]. Теория и методология обеспечения экономической безопасности. – Тверь: Тверской государственный технический университет, 2019. – 164 с.
10. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Викторов В.Ю. [и др.]. Многообразие аспектов социальной политики. – Клин: Филиал РГСУ; Тверь: Тверской государственный университет, 2017. – 184 с.
11. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Архипов М.И. [и др.]. Социально-экономическая политика и современное государство. – Тверь: Тверской государственный университет, 2018. – 278 с.

References

1. Antonova N.A., Bartkova O.G., Ochagova V.S. [i dr.]. Problemy sovremennogo rossijskogo processual'nogo i material'nogo prava (v poiske effektivnyh norm): monografiya. – Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2017. – 182 s.
2. Akatova N.S., Artem'ev A.A., Bobinkin S.A. [i dr.] Sovremennoe gosudarstvo i obshchestvo: social'no-ekonomicheskie i pravovye aspekty: monografiya / pod red. N.V. Filinovej, E.A. Firsovoj. – Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2019. – 241 s.

3. *Kuksin I.N., Aznagulova G.M.* Pravovoe gosudarstvo, pravo i obshchechelovecheskie cennosti // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2014. – № 3. – S. 10–12.
4. *Kerimov A.D., Kuksin I.N.* Sil'noe gosudarstvo kak opredelyayushchij faktor obshchestvennogo progressa: monografiya. – Moskva: INFRA-M, 2018. – 96 s.
5. *Antonova N.A., Artem'ev D.E., Bartkova O.G.* [i dr.]. Razvitie prava v informacionnom obshchestve: monografiya. – Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2018. – 174 s.
6. *Artem'ev A.A., Bobinkin S.A., Bondarchuk A.F.* [i dr.]. Modernizaciya social'no-ekonomicheskoy sfery v sovremennoj Rossii: problemy i suzhdeniya: monografiya. – Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2016. – 188 s.
7. *Kuksin I.N.* Social'nye i yuridicheskie aspekty otvetstvennosti // Pravo i obshchestvo. – 2015. – № 2. – S. 189–199.
8. *Matveev P.A.* Harakternye cherty dogovornoj otvetstvennosti v trgovom oborote // Rossijskaya yusticiya. – 2018. – № 6. – S. 21–24.
9. *Dyuzhilova O.M., Vyakina I.V., Skvorcova G.G.* [i dr.]. Teoriya i metodologiya obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti. – Tver': Tverskoj gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet, 2019. – 164 s.
10. *Akatova N.S., Artem'ev A.A., Viktorov V.Yu.* [i dr.]. Mnogoobrazie aspektov social'noj politiki. – Klin: Filial RGSU; Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2017. – 184 s.
11. *Akatova N.S., Artem'ev A.A., Arhipov M.I.* [i dr.]. Social'no-ekonomicheskaya politika i sovremennoe gosudarstvo. – Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2018. – 278 s.

УДК 342.82

К ВОПРОСУ РЕАКТУАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ МОЛОДЫХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ В РОССИИ

Митяева Юлия Владимировна¹,

канд. полит. наук,

e-mail: jmitt@yandex.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Рассматриваются методы корректировки уровня аффилированности молодого электората и реактуализации избирательных прав для данной социальной группы населения России. Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать и обозначить проблематику преодоления политической и избирательной апатии в среде избирателей в возрастной категории до 40 лет. Выбранная тема является актуальной в связи с сохраняющимся высоким уровнем абсентеистских реакций в российском обществе, по-прежнему низкой явкой избирателей, особенно на выборы регионального или муниципального уровня, что ставит под вопрос легитимность существующих властных институтов в целом. В качестве основных результатов проведенного исследования проблемы приведены первостепенные поведенческие стереотипы в электоральной среде молодых избирателей России, формы и методы по реактивации избирательных прав в этой социальной группе, рекомендации по эффективному включению будущих избирателей и тех, кто ими уже стал, в избирательный процесс, исходя из сформированных знаний, опыта взаимодействия с властными структурами, выстроенной гражданской позиции.

Ключевые слова: выборы, молодые избиратели, абсентеизм, избирательные права, гражданские институты, избирательные комиссии

ON THE ISSUE OF REACTUALIZATION OF THE SUFFRAGE OF YOUNG VOTERS IN RUSSIA

Mityaeva Yu.V.¹,

candidate of political sciences,

e-mail: jmitt@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, the branch in Ryazan, Ryazan, Russia

This paper discusses the methods of adjusting the level of affiliation of the young electorate and the reactualization of suffrage for this social group of the Russian population. The aim of the author is to analyze and identify the problems of overcoming political and electoral apathy among voters, in the age category up to 40 years. The topic of scientific research chosen by the author is relevant, due to the continuing high level of absentee reactions in Russian society, still weak percentages of voter turnout, especially for regional or municipal level elections, which calls into question the legitimacy of existing government institutions as a whole. As the main results of the author's study of the problem, the main behavioral stereotypes in the electoral environment of young voters in Russia are given, forms and methods for reactivating suffrage in this social group are given, recommendations are presented for the effective inclusion of future voters and those who have already become them in the electoral process based on the formed knowledge, experience of interaction with government structures, a built civic position.

Keywords: elections, young voters, absenteeism, suffrage, civil institutions, election commissions

DOI 10.21777/2587-9472-2022-1-10-16

Введение

Конституционное установление политических прав граждан предполагает обеспечение реализации гражданами своего естественного права на осуществление власти в государстве, что, безусловно, связано с правом на участие в выборах в качестве не только избирателей, но и кандидатов на выборные должности.

Прошедшие десятилетия с момента принятия Конституции РФ¹ в 1993 г., к сожалению, не утвердили в общественном сознании россиян актуальность реализации своих прав как избирателей в вопросе участия в управлении государством. Актуальность темы исследования заключается в объективной необходимости системного политологического анализа и существующего в этой области опыта корректировки уровня аффилированности молодых избирателей в процесс формирования властных органов, выражения своей политической воли.

Объект научного исследования – система общественных взаимоотношений, связанных с реализацией гражданами своих избирательных прав.

Предмет научного исследования – реализация избирательных прав электоратом в возрастной категории 18–40 лет в России.

В пределах проводимого научного исследования наиболее пристальное внимание следует уделить разработке форм и методов воздействия на тех избирателей, которые только начинают участвовать в процессе осуществления народом его конституционного права на власть, т.к. именно молодые избиратели, сталкиваясь с огромным информационным потоком, зачастую не способны идентифицировать реальные факты от выдумок или провокаций, что приводит к серьезным заблуждениям, искажениям или полному нежеланию разобраться в действующих механизмах формирования властных органов, собственных правах и ответственности как избирателей.

Цели научного исследования – проанализировать особенности реализации избирательных прав электоратом в возрастной категории 18–40 лет в России, обозначить проблематику, выработать предложения по преодолению дезактуализации избирательных прав молодых избирателей в России.

Дезактуализация избирательных прав в общественном мнении является характерной чертой электорального поведения различных категорий граждан в России. Наиболее ярко данная проблема проявляется в среде молодых избирателей, т.к. именно эта категория менее всего реализует свои права в процессе формирования властных органов. В связи с этим целесообразно провести научное исследование о вероятных причинах указанного явления и дать рекомендации по аффилиации избирательного процесса с точки зрения формирования новой модели поведения избирателя в обществе, понимания и принятия действующих избирательных механизмов как позитивных, дающих избирателю возможность в полной мере стать членом общества политически активных, грамотных граждан российского государства.

Задачами научного исследования являются:

- 1) проанализировать причины, лежащие в основе проблематики избирательно-правовой дезактуализации в электоральном поведении молодых избирателей в России сегодня;
- 2) привести и сопоставить наиболее эффективные механизмы преодоления невостребованности избирательных прав в молодежной среде;
- 3) сформулировать рекомендации по совершенствованию механизмов коррекции уровня абсентистских настроений среди молодых избирателей.

Проблематика дезактуализации избирательных прав в среде молодых избирателей России

Правовая основа избирательных прав заложена нормами Конституции РФ, а также положениями федеральных законов и законов субъектов РФ.

На сегодняшний день в политической системе российского общества создана одна из самых прогрессивных и проработанных правовых баз по реализации избирательных прав гражданами, сочетаю-

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голос. 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голос. 1 июля 2020 г.]. – URL: <http://www.rg.ru/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html> (дата обращения: 28.03.2022). – Текст: электронный.

щая в себе возможность наблюдать за ходом выборов любому гражданину, не говоря уже об институте независимых наблюдателей, который сам по себе имеется не во всех странах в избирательном механизме выборов. Между тем, с точки зрения развитости институтов общественного контроля за ходом голосования, практически все возможные технологии и процессуальные действия закреплены законодательно [1, с. 416].

Можно утверждать, что россияне в полной мере могут активно участвовать в процессе управления государством как на федеральном и региональном уровнях, так и на муниципальном.

Произошедшие изменения в избирательном законодательстве направлены на актуализацию процесса выборов среди молодых избирателей и людей средней возрастной группы, повышение уровня доступности голосования вне зависимости от места нахождения избирателя в день голосования. Рассмотрим, например, внедрение системы «Мобильный избиратель»². По мнению экспертов в области организации и проведения выборов различного уровня, механизм «Мобильный избиратель» успешно заменил систему открепительных удостоверений и досрочного голосования в помещениях территориальных и участковых избирательных комиссий, сделав процедуру голосования более удобной для избирателей [2, с. 62]. Кроме того, можно отметить процедуры электронного дистанционного голосования через сеть Интернет с использованием платформы «Госуслуги» или иных региональных электронных платформ на выборах Президента РФ, депутатов Государственной Думы ФС РФ, глав субъектов РФ^{3,4}.

Российским избирателям свойственна низкая явка на выборах всех уровней, особенно на городских выборах. Практически более половины избирателей не приходят на избирательные участки.

Проводимые исследования о причинах стабильно низкого процента активно голосующих граждан в качестве таковых называют недоверие электората к результатам голосования и, как следствие, ко всему институту выборов в принципе, а также нежелание тратить свое время на этот процесс.

Высокий уровень недоверия к реальности результатов выборов скорее связан с субъективной оценкой избирательного процесса гражданами, чем вытекает из объективного знания избирательных процедур, избирательного законодательства. Это находится во взаимосвязи с нежеланием людей вникать и разбираться в особенностях существующей избирательной системы, низкой политической активностью россиян в целом и малой долей сформированности участия гражданских институтов в избирательном процессе.

Помимо приведенных особенностей электорального поведения российских граждан важно учитывать при анализе проблемы дезактуализации и будущей аффилиации избирательных прав дифференциацию состава самого электората в РФ. По данным, приведенным Центральной избирательной комиссией РФ (далее – ЦИК РФ) на 2020 г., число избирателей составляет около 108 млн человек. Из них более 42 % – избиратели в возрасте до 40 лет. Именно поэтому вопрос о повышении степени включенности в избирательный процесс именно этой категории избирателей является особо актуальным для современной России⁵.

Конституционное право избирать закрепляется за гражданами Российской Федерации, достигшими совершеннолетия, а право баллотироваться на выборные должности во властных структурах варьируется на нижнем пороге между 18 и 21 годом.

Фактически, мы должны говорить о том, что к 18 годам у гражданина должны быть уже сформированы политико-правовые знания об особенностях реализации избирательных прав, участия в мо-

² Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ (в ред. Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"»: [от 3 июля 2018 г. № 184-ФЗ]): Федеральный закон Российской Федерации: [от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ]. – URL: <http://www.rg.ru/2018/07/06/referendum-dok.html> (дата обращения: 17.01.2022). – Текст: электронный.

³ О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (в ред. Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации"»: [от 4 июня 2018 г. № 150-ФЗ]: Федеральный закон Российской Федерации: [от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ]. – URL: <http://www.rg.ru/2018/06/06/vybory-deputatov-dok.html> (дата обращения: 02.01.2022). – Текст: электронный.

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации»: Федеральный закон Российской Федерации: [от 1 июня 2017 г. № 103-ФЗ]. – URL: <http://www.rg.ru/2017/06/05/vibori-dok.html> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

⁵ Бетехтина А.В., Олухов Н.В. Отношение молодежи к избирательному процессу. – URL: http://www.elar.urfu.ru/bitstream/10995/32612/1/xixusr_2013_11.pdf (дата обращения: 05.03.2022). – Текст: электронный.

лодежных движениях, предоставляющих молодым людям возможность не только личностного роста, но и включения в широкий круг общественно-политических отношений, а также выработана активная жизненная позиция.

Мы можем утверждать, что молодое поколение российских избирателей считает реализацию избирательных прав своей принципиальной гражданской позицией, при этом, фактически, не испытывает доверия к властным институтам, что во многом обусловлено манипулированием со стороны нечистоплотных политиков, которые тем самым подрывают веру в свободные и справедливые выборы [3]. Эта категория электората по-прежнему является мало включенной как в процесс голосования, так и в особенности, процесс реализации своего пассивного избирательного права.

Прошедшие выборы в Государственную Думу Федерального Собрания РФ в 2016 г. прошли с самой низкой явкой, что отмечается еще с 1993 г. На избирательные участки пришли чуть более 47 % избирателей. Уже на прошедших в 2018 г. выборах Президента РФ проголосовали 67 % избирателей, при том что такой скачок в явке произошел, по словам заместителя председателя ЦИК РФ Н.И. Булаева, из-за изменения отношения к институту выборов именно в среде избирателей в возрасте до 40 лет. Так, по его мнению, число избирателей, пришедших на избирательные участки, выросло за счет того, что активно голосовала молодежь, которую ЦИК РФ удалось привлечь на избирательные участки⁶.

Кроме того, явка оказалась высокой благодаря тому, что и исполнительная, и законодательная власть проявили максимум уважения к избирателю и попытались убедить, что его голос важен, а также, по словам заместителя председателя комиссии, люди начали больше задумываться о своем будущем.

Формы и методы реактивации возможностей граждан по формированию органов власти

Исходя из последних данных по выборам федерального уровня, мы можем утверждать, что активизация работы с молодыми избирателями на общегосударственном уровне дала свой положительный результат. Корректировка поведенческого аспекта молодых избирателей в сторону заинтересованности участием в политической жизни своей страны через систему гражданских институтов позволила значительно снизить дезактуализацию при реализации избирательных прав среди этой категории электората и выйти на высокий уровень аффилированного электорального поведения. Однако проблема повышения уровня включенности молодых избирателей в избирательный процесс остается острой относительно региональных выборов и, в особенности, выборов на муниципальном уровне.

Следовательно, целесообразно применить мультивекторный подход в оценке проблемы дезактуализации избирательных прав среди молодых избирателей и разработке рекомендаций по формированию аффилированной модели поведения электората.

Проведенное нами научное исследование показало, что в современном российском обществе сформировался ряд устойчивых ложных стереотипов об институте выборов, роли избирателей в процессе управления государством, особенностях политической и избирательной систем, что, в свою очередь, вызвало реакцию отторжения и неприятия реализации своих конституционно установленных избирательных прав, особенно в среде молодежи.

Следует отметить, что, несмотря на традиционно высокий уровень абсентеистских настроений в российском обществе уже на протяжении достаточно длительного периода времени, в последние три года начался постепенный векторный сдвиг в общественном мнении относительно актуализации участия в выборах. Эти изменения стали возможными в результате появления и закрепления в российском обществе гражданских инициатив, исходящих от молодого поколения россиян.

Безусловно, такие общественные молодежные организации, как молодежные парламенты и молодежные избирательные комиссии, появились еще в 90-е гг. XX в. [4, с. 245]. Однако появление столь актуального общественного политического института оказалось всего лишь очередным проявлением формализма в работе с молодежью. Реально значимый результат они стали показывать лишь в 2018–2020 гг. За достаточно длительный срок существования данный общественный институт практически

⁶ Мисливская Г.И. ЦИК официально завершил избирательную кампанию. – URL: <http://www.rg.ru/2021/12/08/cik-oficialno-zavershil-izbiratelnuu-kampaniiu.html> (дата обращения: 07.03.2022). – Текст: электронный.

не имел заметного влияния на молодежь и в большей степени был ориентирован на привлечение политически активных лидеров общественных организаций, органов студенческого и ученического самоуправления с такой формальной целью, как воспитание кадрового резерва [5].

Как известно, любое общественное начинание, особенно связанное с прямым взаимодействием с властными институтами, не может быть сразу институализировано в рамках государственной системы отношений. Однако сегодня институт молодежного парламентаризма – это устойчивая система связей, сформировавшаяся более чем в 70 субъектах Российской Федерации и закреплённая законодательно. Так, в Рязанской области приняты законодательные и подзаконные акты, регулирующие организацию и функционирование такого рода общественных институтов⁷.

Деятельность молодежных парламентов направлена на эволюционирование знаний избирательных механизмов, законодательных основ избирательного процесса у молодого поколения российского электората, формирование активной политической позиции у школьников старших классов, учащихся средних специальных учебных заведений и студентов, а также умения работать с политически направленной информацией, взаимодействовать с органами власти по вопросам реализации и защиты прав граждан. Это особенно востребовано в современных политических реалиях, в которых главными тенденциями стали различного рода провокации и подстрекательства к насильственным методам изменения политической ситуации в стране.

Под эгидой молодежных парламентов могут быть воплощены проекты по обучению основам избирательного процесса в рамках школьного, специального и высшего образования.

Безусловная роль молодежных парламентов по формированию активной жизненной позиции у молодых избирателей дополняется включением в этот процесс волонтерского движения. Данный гражданский институт в избирательном процессе эффективно решает такие вопросы, как включение ребят в процесс проведения и организации обучения азам избирательного законодательства, повышение уровня правовой культуры среди молодых избирателей и возрастание степени их электоральной активности⁸.

Через волонтерские организации становится возможным создание агитгрупп из числа самих же школьников или студентов, уже прошедших обучение по основам избирательного права и процесса в рамках мероприятий, проводимых избирательными комиссиями субъектов, а также привлечение их к работе с фокус-группами, состоящими из студентов и школьников старших классов, в целях максимально эффективного воздействия на аффилированность поведенческой модели в избирательной сфере общественных отношений.

Механизм, в основе которого лежит общественная инициатива, будет корректировать уровень аффилированности избирателей в процессе политического участия, опираясь на сформированную способность анализировать данное государством право гражданам осуществлять власть и, сообразно действующим законам, моделировать свое ролевое поведение в данном статусе, нивелировать манипулятивное воздействие абсентеистски настроенных объединений, а также выстраивать базирующуюся на проверенной, достоверной информации активную гражданскую позицию у каждого избирателя, даже будущего.

Заключение

Разработанная нами совокупность методов воздействия на существующую модель поведения избирателей в возрасте до 40 лет способствует разрушению ряда ложных стереотипов, которые особенно быстро закрепляются в сознании молодых людей, и формирует новые представления об избирательной системе и политических институтах, основанные на собственном опыте участия в подобного рода молодежных организациях, мероприятиях, процессах.

⁷ О регулировании отдельных отношений в сфере государственной молодежной политики в Рязанской области: закон Рязанской области: [от 12 сентября 2013 г. № 51-ОЗ]. – URL: <http://www.rg.ru/2013/09/16/ryazan-zakon51-reg-dok.html> (дата обращения: 02.03.2022). – Текст: электронный.

⁸ Межрегиональный конкурс социально значимых проектов «Развитие волонтерства и добровольчества студенческой молодежи». – URL: http://www.bsu.edu.ru/bsu/news/news.php?ID=207596&IBLOCK_ID=176 (дата обращения: 23.03.2022). – Текст: электронный.

На наш взгляд, не только общество нуждается в изменениях базовых установок в вопросе формирования устойчивой гражданской инициативы на выборах, но и, прежде всего, само государство заинтересовано в решении проблемы реактуализации избирательных прав молодого поколения избирателей, т.к. они являются активной социальной силой, которая в будущем должна стать главным участником общественного прогресса [6, с. 41].

В представленной совокупности методов корреляции уровня аффилированности электорального поведения молодежи нам важно особо отметить созданную устойчивую коммуникацию между избирательными комиссиями субъектов РФ, областными, городскими администрациями с организациями, осуществляющими образовательную и просветительскую деятельность в вопросе формирования личной гражданской позиции у молодых людей [7, с. 112]. Эта связь опирается на характерные черты местной культурной общности, опыт народного представительства как на федеральном, так и на региональном уровне. Благодаря этому проводимые мероприятия со школьниками, учащимися средних специальных и высших учебных заведений региона дают положительный результат, а также все меньше становится среди них тех, кто раньше говорил, что «я вне политики» либо «результаты выборов известны заранее».

Помимо молодежных парламентов за последние пять лет в России выросло и сформировалось молодежное волонтерское движение. Его возникновение открыло новые возможности для изменения отношения общества к молодежи, формированию новых целевых установок в молодежной среде, что, безусловно, повлияло и на электоральную активность молодых избирателей.

Однако не только появление массового волонтерского молодежного движения способствовало сдвигу в вопросе преодоления дезактуализации избирательных прав. Существенные изменения связаны и с внедрением в избирательные процедуры технологических новаций, в частности особую роль сыграло появление в избирательной системе нового института дистанционного электронного голосования.

Как показал российский и зарубежный опыт использования подобного вида голосования, интерес к нему проявляют, прежде всего, избиратели в возрасте до 40 лет. Именно за счет этой категории существенно вырос процент явки на выборах. В этой связи целесообразно говорить о необходимости закрепления данного института в избирательном процессе на постоянной основе.

В рамках использования подобных технологий в избирательном процессе важно отметить необходимость расширения возможности наблюдения за ходом электронного голосования для граждан, что будет способствовать повышению доверия со стороны избирателей к результатам голосования на электронных участках [8, с. 58].

Все рассмотренные нами методы и механизмы корректировки уровня аффилированности в среде молодых избирателей могут способствовать разрушению стереотипов об институте выборов, что приведет к выполнению задачи по реактивации избирательных прав в молодежной среде в России, а также к формированию новых представлений об избирательной системе и политических институтах, которые будут основаны на собственном опыте.

Список литературы

1. Митяева Ю.В., Видова Т.А., Головастова Ю.А. Политико-правовой аспект моделирования избирательной системы России // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 4. – С. 411–416.
2. Китновская О.В. Механизм «мобильный избиратель»: правовые основы, система, практика // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2020. – № 20-2. – С. 61–63.
3. Егорова Н.С. Политический абсентеизм в молодежной среде // Инновационные подходы к работе с молодежью: материалы Профессионального форума / под общ. ред. Н.Д. Бобковой. – Курган, 2014. – С. 60–63.
4. Стадник И.В., Чалых И.С. Программно-агитационное направление в преодолении избирательно-правового нигилизма в молодежной среде // Особенности парламентарно-президентских выборов 2011–2012 гг.: проблемы совершенствования избирательного законодательства и повышения электоральной культуры молодых граждан Российской Федерации: материалы форума молодых избирателей-организаторов выборов (г. Белгород, 5 апреля 2012 г.) / отв. ред. В.И. Ерыгина. – Белгород, 2013. – С. 244–254.
5. Купорез И.Д. Молодежные парламенты в современной России: региональный опыт // Документ. Архив. История. Современность. – 2020. – № 20. – С. 20–24.

6. Малышева Н.И., Новогорских Т.Ю. Молодежь и ее участие в выборах: формы и методы повышения электоральной активности молодых избирателей // Информационные технологии управления и права. – 2020. – № 1. – С. 41–45.
7. Митяева Ю.В. Некоторые вопросы электорального абсентеизма в России // Научные труды Московского университета им. С.Ю. Витте. – 2019. – № 6. – С. 109–115.
8. Босова Е.Н., Реут Е.А. Дистанционное электронное голосование: поиск законодательного оформления // Правоприменение. – 2019. – Т. 3, № 3. – С. 53–62.

References

1. Mityaeva Yu.V., Vidova T.A., Golovastova Yu.A. Politiko-pravovoj aspekt modelirovaniya izbiratel'noj sistemy Rossii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2021. – № 4. – С. 411–416.
2. Kitnovskaya O.V. Mekhanizm “mobil’nyj izbiratel’”: pravovye osnovy, sistema, praktika // Aktual’nye problemy bor’by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. – 2020. – № 20-2. – С. 61–63.
3. Egorova N.S. Politicheskij absenteizm v molodezhnoj srede // Innovacionnye podhody k rabote s molodezh’yu: materialy Professional’nogo foruma / pod obshch. red. N.D. Bobkovej. – Kurgan, 2014. – С. 60–63.
4. Stadnik I.V., Chalyh I.S. Programmno-agitacionnoe napravlenie v preodolenii izbiratel’no-pravovogo nigelizma v molodezhnoj srede // Osobennosti parlamentsko-prezidentskih vyborov 2011–2012 gg.: problemy sovershenstvovaniya izbiratel’nogo zakonodatel’sstva i povysheniya elektoral’noj kul’tury molodyh grazhdan Rossijskoj Federacii: materialy foruma molodyh izbiratelej-organizatorov vyborov (g. Belgorod, 5 aprelya 2012 g.) / otv. red. V.I. Erygina. – Belgorod, 2013. – С. 244–254.
5. Kuporez I.D. Molodezhnye parlamenty v sovremennoj Rossii: regional’nyj opyt // Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost’. – 2020. – № 20. – С. 20–24.
6. Malysheva N.I., Novogorskih T.Yu. Molodezh’ i ee uchastie v vyborah: formy i metody povysheniya elektoral’noj aktivnosti molodyh izbiratelej // Informacionnye tekhnologii upravleniya i prava. – 2020. – № 1. – С. 41–45.
7. Mityaeva Yu.V. Nekotorye voprosy elektoral’nogo absenteizma v Rossii // Nauchnye trudy Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. – 2019. – № 6. – С. 109–115.
8. Bosova E.N., Reut E.A. Distancionnoe elektronnoe golosovanie: poisk zakonodatel’nogo oformleniya // Pravoprimerenie. – 2019. – Т. 3, № 3. – С. 53–62.

УДК 336.71

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Самородов Дмитрий Альбертович¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: samorodov.dmitrij@yandex.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Статья посвящена особенностям банковской системы России, а также анализу законодательства о банковской системе и путей его возможного совершенствования. Анализируются эволюция законодательства об отечественной банковской системе, конституционные нормы о банковской системе и функциях Центрального банка РФ, понятие «федеральный банк», особенности структуры банковской системы России на современном этапе. Рассматриваются процесс воссоздания в СССР в конце 80-х гг. XX в. коммерческих банков, содержание норм действующей Конституции РФ от 12 декабря 1993 г., затрагивающих правовое положение Банка России, а также предметы ведения Российской Федерации в вопросах правового регулирования банковской деятельности. Сделан вывод о существовании правовой коллизии между п. «ж» ст. 71 Конституции РФ и положениями Федерального закона РФ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», предложен вариант ее устранения путем закрепления в действующем законодательстве упоминаемого в ст. 71 Конституции РФ определения понятия «федеральный банк». Предпринята попытка выработки предложений по дальнейшему совершенствованию законодательства о банковской системе Российской Федерации.

Ключевые слова: банковская система, кредитная организация, банк, акции, уставный капитал, капитализация

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

Samorodov D.A.¹,

candidate of legal sciences, associate professor,

e-mail: samorodov.dmitrij@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The paper describes the peculiarities of the Russian banking system and analyzes the legislation on the banking system and ways of its possible improvement. The paper analyzes the evolution of legislation on the domestic banking system, constitutional norms on the banking system and the functions of the Central Bank of the Russian Federation, analyzes the concept of “federal bank”, features of the Russian banking system structure at the present stage. The process of recreating commercial banks in the USSR in the late 1980s is analyzed, the content of the norms of the current Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, affecting the legal status of the Bank of Russia, as well as the jurisdiction of the Russian Federation in matters of legal regulation of banking activities. The author concluded that there is a legal conflict between paragraph “g” of Art. 71 of the Constitution of the Russian Federation and the provisions of the Federal Law of 02.12.1990 No. 395-1 “On Banks and Banking”. Thus, a variant of its elimination was proposed by enshrining the definitions of the concept of “federal bank”, which is referred to in Art. 71 of the Constitution of the Russian Federation in the current legislation. Attempts to develop proposals for further improvement of the legislation on the banking system of the Russian Federation are undertaken in the paper.

Keywords: banking system, credit institution, Bank, shares, authorized capital, capitalization

DOI 10.21777/2587-9472-2022-1-17-22

Начало социалистическим преобразованиям в экономике России положено в 1917 г. декретами советской власти о земле (26 октября (8 ноября) 1917 г.), организации рабочего контроля над производством и распределением продуктов, национализации банков, крупных промышленных предприятий, торгового флота. Первоначально был национализирован Государственный банк России (25 октября (7 ноября) 1917). Декретом Совета народных комиссаров от 25 ноября (8 декабря) 1917 г. упразднены государственные земельные банки¹. Советская власть была вынуждена ускорить национализацию частных коммерческих банков из-за явного и скрытого саботажа банковских служащих, выразившегося в отказе создавать контрольные органы, организации забастовок, непризнании комиссаров, назначавшихся в финансовые учреждения Советами рабочих и солдатских депутатов.

В первом разделе Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, утвержденной III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г., говорилось, что «...подтверждается переход всех банков в собственность Рабоче-Крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала»². Средства национализированных коммерческих банков были переданы вновь созданному Государственному банку, который позже преобразовался в Народный банк РСФСР, а в 1922 г. – в Государственный банк СССР³. Соответственно, было положено начало государственной монополии банковского дела, сохранявшейся фактически до конца 80-х гг. XX в. Конституция СССР 1936 г. (ст. 6) указывала, что банки являются государственной собственностью, т.е. всенародным достоянием⁴. Государственная собственность на банки закреплялась также в ст. 11 Конституции СССР 1977 г. и принятых на ее основе Конституциях союзных республик.

Постепенный демонтаж государственной монополии в банковской системе государства начался в 1988 г., когда в СССР вновь были созданы коммерческие банки. Таким образом, были заложены основы современной двухуровневой банковской системы России, в которой на первом уровне находится главный банк государства, т.е. так называемый «банк банков» – Центральный банк РФ (Банк России), а на втором – остальные кредитные организации.

Л.Н. Сотникова определяет банковскую систему как исторически сложившуюся и законодательно закреплённую систему организации банковского дела в конкретной стране [1, с. 261]. Как указывает Е.А. Ягупова, банковская система – это совокупность действующих в стране банков, кредитных учреждений и отдельных экономических организаций, выполняющих банковские операции [2, с. 51]. С.Д. Байкова и О.В. Демко отмечают, что в некоторых литературных источниках авторы (И.Т. Баланова, Ж.Г. Голодова и другие) говорят даже о трехуровневой российской банковской системе, где к третьему уровню относят специализированные небанковские кредитно-финансовые учреждения [3, с. 27]. В частности, специализированными организациями, обеспечивающими деятельность банков и кредитных учреждений, являются расчетно-кассовые и клиринговые центры, фирмы по аудиту банков, дилерские фирмы по работе с ценными бумагами банков, а также организации, обеспечивающие банки оборудованием, информацией и кадрами [2]⁵.

К принципам построения современной банковской системы России Д.Я. Родин, Л.В. Глухих, А.А. Крячко и Н.Д. Родин относят принцип двухуровневой структуры банковской системы и принцип универсализации банковских институтов [4].

В настоящее время в действующей Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. банки упомянуты в двух статьях: в ст. 71, посвященной предметам ведения Российской Федерации, и в ст. 75, посвященной правовому положению Центробанка РФ (Банка России) и порядку размещения государственных займов. Так, в п. «ж» ст. 71 Конституции РФ указывается, что в ведении Российской Федерации, в част-

¹ Национализация частных коммерческих банков. – URL: <http://www.chel-portal.ru/encyclopedia/nacionalizaciya-bankov/t/11400> (дата обращения: 14.01.2022). – Текст: электронный.

² Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю.П. Титов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Велби: Проспект, 2008. – С. 289.

³ История банковского дела в России. – URL: http://www.banki.ru/wikibank/istoriya_bankovskogo_dela_v_rossii (дата обращения: 12.12.2021). – Текст: электронный.

⁴ Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю.П. Титов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Велби: Проспект, 2008. – С. 348.

⁵ Деньги, кредит, банки: учебник / под ред. Г.Н. Белоглазовой. – Москва: Юрайт, 2014. – С. 31.

ности, находятся «...федеральные экономические службы, включая федеральные банки»⁶. При этом обращает на себя внимание тот факт, что дефиниции федерального банка, т.е. закрепленного в нормативно-правовом акте определения этого понятия, в отечественном праве не существует. В частности, Федеральный закон РФ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» в ст. 1 содержит следующие понятия: «кредитная организация», «банк», «небанковская кредитная организация», «иностранный банк»⁷.

В литературе можно встретить мнение, что термины «федеральный банк» и «государственный банк» синонимичны. Так, авторы статьи «Что такое федеральный банк?» отмечают, что «...слово "федеральный" тесно связано со словом "государственный". Эти два понятия имеют схожее определение, поэтому федеральный банк другими словами можно охарактеризовать как банк, принадлежащий государству»⁸. По мнению авторов статьи на сайте «Банкодром.ру», «...госучастие в деятельности банков различается по уровню контроля (полный, частичный), присутствию в капитале (прямое или косвенное), виду госструктур (Правительство России, субъекты РФ, муниципальные образования). Банки с государственным участием, как правило, не предлагают самых выгодных условий обслуживания, низких ставок по кредитам или высоких ставок по вкладам»⁹. Авторы приведенной статьи предлагают выделять два типа государственных банков.

1. Государственный банк. Контрольный пакет акций банка принадлежит государству (напрямую или косвенно), включая различные субъекты РФ или муниципальные образования. Доля государства всегда превышает 50 % акций.

2. Банк с государственным участием. Контрольный пакет акций принадлежит не государству, а частным или иностранным владельцам. Однако государство (напрямую или косвенно, включая различные субъекты РФ или муниципальные образования) имеет в капитале банка долю, составляющую 15–50 %. Банком (долей в нем) владеет либо Правительство РФ, либо администрация субъекта РФ, либо администрация муниципального образования.

По данным сайта «Банкодром.ру», в настоящее время в России имеется 56 государственных банков. На наш взгляд, термины «федеральный банк» и «государственный банк» нельзя считать синонимами, т.к. государственная собственность в России существует на двух уровнях: федеральном и уровне субъектов РФ, а местное самоуправление не входит в систему государственной власти. Исходя из этого, было бы целесообразно в целях приведения банковского законодательства в соответствие с п. «ж» ст. 71 Конституции РФ закрепить в ст. 1 Федерального закона РФ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» понятие «федеральный банк», сформулировав его следующим образом: федеральный банк – это кредитная организация, 50 % и более акций которой принадлежат Российской Федерации. Это позволит государству более эффективно влиять на функционирование банковской системы Российской Федерации, а также получить стабильный источник неналоговых доходов в бюджеты разных уровней бюджетной системы Российской Федерации.

Можно отказаться от используемого в Конституции РФ термина «федеральный банк», исключив его из содержания п. «ж» ст. 71, а ст. 1 Федерального закона РФ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» дополнить дефинициями «государственный банк» и «муниципальный банк». Под государственным банком, на наш взгляд, следует понимать кредитную организацию, 50 % и более акций которой принадлежат Российской Федерации или субъекту Российской Федерации, а под муниципальным банком – кредитную организацию, 50 % и более акций которой принадлежат муниципальному образованию.

Второй статьей действующей Конституции РФ, в которой упоминается понятие «банк», является ст. 75. Так, в ч. 1 данной статьи указывается, что «...денежная эмиссия осуществляется исключительно

⁶ Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голос. 12 декабря 1993 г. с изм., одоб. в ходе общерос. голос. 1 июля 2020 г.]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 16.01.2022). – Текст: электронный.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 6. – Ст. 492.

⁸ Что такое федеральный банк? – URL: <http://www.kakprosto.ru/kak-947369-chto-takoe-federalnyy-bank> (дата обращения: 16.12.2021). – Текст: электронный.

⁹ Государственные банки России: полный список 2018 г. – URL: <http://www.bankodrom.ru/spisok-gosudarstvennyh-bankov-rossii> (дата обращения: 06.12.2021). – Текст: электронный.

Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются», а в ч. 2 отмечается, что «защита и обеспечение устойчивости рубля – основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти». Аналогичные функции Центробанка РФ предусмотрены ст. 3 Федерального закона РФ от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации»¹⁰. В настоящее время банковская система России является двухуровневой и, согласно ст. 2 Федерального закона РФ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», включает Банк России (первый уровень), кредитные организации, представительства иностранных банков (второй уровень).

Какие тенденции развития банковской системы России можно отметить за последние годы? По нашему мнению, следует выделить четыре из них.

1. Сокращение присутствия на рынке банковских услуг иностранных кредитных организаций. В частности, если, согласно предыдущей редакции ст. 2 Федерального закона РФ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», в России могли функционировать как представительства, так и филиалы иностранных банков, то в настоящее время – только представительства.

2. Сокращение общего числа кредитных организаций путем отзыва у них лицензий Центробанком РФ. Данная тенденция наметилась еще в 2013 г. и отмечалась многими исследователями, в частности Н.В. Коротаевой, Т.В. Борисовой [5], Н.М. Чаукиной [6]. Например, только за 2018 г. прекратили деятельность 77 из 561 кредитной организации [2, с. 52]. Это привело к уходу большинства клиентов из лишенных лицензий и saniруемых банков из первой сотни в Сбербанк и ВТБ, а также, как справедливо указал В.И. Привалов, может спровоцировать еще одну проблему – уменьшение присутствия банков в регионах, не вызывающих интереса у крупных банковских структур [7, с. 165–166]. К.Г. Шумкова подразделяет наиболее острые проблемы развития банковской сферы России на две группы: внутренние и внешние. К внешним проблемам она относит, в частности, недиверсифицированность российской экономики, преимущественно краткосрочный характер кредитных ресурсов, высокий уровень непрофильных активов банков, распространение мошенничества, а к внутренним – вовлеченность отдельных кредитных организаций в противоправную деятельность [8, с. 12]. Следует отметить, что, согласно данным на сентябрь 2020 г., ПАО «Сбербанк» является крупнейшим в России банком по объемам операций с физическими лицами, объему использования банковских карт (71 %), числу частных клиентов, хранящих в нем свои сбережения (64 %). Таким образом, он превратился в фактически монопольного игрока на рынке оказания банковских услуг и выполнения других банковских операций.

3. Сокращение числа кредитных организаций с государственным участием.

4. Сокращение числа государственных банков путем продажи государством части акций в их уставных капиталах. Последняя тенденция представляется нам наиболее опасной, особенно в свете нестабильности экономического положения, в котором в последние годы находится Россия.

Так, в 2018 г. президент и председатель правления Сбербанка России Г.О. Греф заявил, что вместо повышения налогов государству следовало бы продавать принадлежащие ему акции компаний, в том числе Сбербанка России. «Я не вижу ни одного основания, почему нас надо держать сейчас, когда требуются деньги на выполнение указов Президента РФ. Лучше вместо повышения налогов продать какие-то акции компаний, которые продаваемые. Сбербанк – абсолютно продаваемая история», – отметил он на пресс-конференции после годового собрания акционеров. По его словам, если Центробанк продаст принадлежащие ему акции Сбербанка, государство на эти деньги могло бы «провести какие-то реформы, развивать инфраструктуру»¹¹. Возникает законный вопрос: сколько может государство выручить денег от приватизации акций Сбербанка, что превратит данный банк из государственного в банк с государственным участием?

В настоящее время уставный капитал ПАО «Сбербанк России» разделен на доли следующим образом: 50 % + 1 акция – Фонд национального благосостояния Российской Федерации, контролируемый Правительством РФ; 44,37 % – юридические лица-нерезиденты; 1,92 % – юридические лица-резиденты

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.

¹¹ Потемкин А. Распродажа Родины. Новая приватизация начнется со Сбербанка. – URL: <http://www.pressa.ru/ru/top10/detail/rasprodazha-rodinyi-9371> (дата обращения: 14.12.2021). – Текст: электронный.

Российской Федерации – 1,92 %; 3,71 % – частные инвесторы¹². При этом в последние годы прибыль Сбербанка и, соответственно, дивиденды его акционеров устойчиво растут. Так, в апреле 2021 г. общее собрание акционеров ПАО «Сбербанк» постановило направить на выплату дивидендов 422,4 млрд р., т.е. 56 % от прибыли. Согласно данным на январь 2022 г., сумма чистых активов Сбербанка составляет 38 631 723 561 р. По оценкам А. Потемкина, сделанным еще в 2018 г., при реализации 25 % акций Сбербанка государство сможет выручить не более 2,8 трлн р., а размер дивидендов, которые государство ежегодно получает как основной акционер Сбербанка, снизится примерно вдвое – остальное уйдет частным лицам¹³. Трудно не согласиться с А. Потемкиным, указывающим, что «при таком раскладе Правительству РФ надо не продавать, а увеличивать свою долю в крупнейшем розничном банке страны и обеспечивать выполнение майских указов [Президента РФ] за счет дивидендов»¹⁴.

Итак, подведем итог сказанному. Полагаем, что в нашем исследовании новыми являются следующие положения и результаты. Нам представляется вполне обоснованным мнение К. Зятькова, указавшего, что приватизация акций Сбербанка, рыночная капитализация которого по данным на август 2021 г. составляла 7,3 трлн р. (немного меньше 1/3 расходной части федерального бюджета на 2022 финансовый год и плановый период 2023–2024 гг., составляющей 23,69 трлн р.), влечет за собой риск потери государством контроля над банковским сектором экономики¹⁵. Соответственно, на наш взгляд, целесообразно введение моратория на продажу государством пакетов акций системообразующих кредитных организаций как минимум на период действия экономических ограничений, введенных против России рядом государств, что позволит обеспечить дальнейшее повышение управляемости банковской системы России, защиту интересов клиентов банков и, следовательно, устойчивость банковской системы России в целом.

Список литературы

1. Сотникова Л.Н. Банковская система РФ: состояние и перспективы развития // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2015. – № 2. – С. 260–266.
2. Ягунова Е.А. Банковская система Российской Федерации: современное состояние и проблемы // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 51–55.
3. Байкова С.Д., Демко О.В. Российская банковская система в современных рыночных условиях // Банковское дело. – 2012. – № 34. – С. 25–37.
4. Родин Д.Я., Глухих Л.В., Крячко А.А., Родин Н.Д. Проблемы и перспективы развития банковской системы России по материалам рынка ЮФО // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – № 128. – С. 815–836.
5. Коротаева Н.В., Борисова Т.В. Тенденции развития банковской системы России в современных условиях // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 3. – С. 51–56.
6. Чаукина Н.М. Некоторые тенденции и направления развития банковской системы Российской Федерации // Экономические исследования. – 2016. – № 4.
7. Привалов В.И. Обоснование новой структуры кредитно-банковской системы России // Территория науки. – 2016. – № 5. – С. 164–168.
8. Шумкова К.Г. Тенденции развития банковской системы России: угрозы и возможности // Банковское дело. – 2014. – № 14. – С. 11–20.

References

1. Sotnikova L.N. Bankovskaya sistema RF: sostoyanie i perspektivy razvitiya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernyh tekhnologij. – 2015. – № 2. – S. 260–266.

¹² Кто владеет «Сбером» (структура акционеров)? – URL: http://www.zen.yandex.ru/media/true_millionaire/kto-vladeet-sberom-struktura-akcionerov-61be20bbfba2ca464c719656 (дата обращения: 17.11.2021). – Текст: электронный.

¹³ Потемкин А. Распродажа Родины. Новая приватизация начнется со Сбербанка. – URL: <http://www.pressa.ru/ru/top10/detail/gasprodazha-rodinyi-9371> (дата обращения: 14.12.2021). – Текст: электронный.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Зятьков К. Пустить молочную корову на мясо. – URL: <http://www.versia.ru/pustit-molochnuyu-korovu-na-myaso> (дата обращения: 18.01.2022). – Текст: электронный.

2. *Yagupova E.A.* Bankovskaya sistema Rossijskoj Federacii: sovremennoe sostoyanie i problemy // Nauchnyj vestnik: finansy, banki, investicii. – 2019. – № 3. – S. 51–55.
3. *Bajkova S.D., Demko O.V.* Rossijskaya bankovskaya sistema v sovremennyh rynochnyh usloviyah // Bankovskoe delo. – 2012. – № 34. – S. 25–37.
4. *Rodin D.Ya., Gluhih L.V., Kryachko A.A., Rodin N.D.* Problemy i perspektivy razvitiya bankovskoj sistemy Rossii po materialam rynka YuFO // Politematicheskij setевой elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2017. – № 128. – S. 815–836.
5. *Korotaeva N.V., Borisova T.V.* Tendencii razvitiya bankovskoj sistemy Rossii v sovremennyh usloviyah // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. – 2014. – № 3. – S. 51–56.
6. *Chaukina N.M.* Nekotorye tendencii i napravleniya razvitiya bankovskoj sistemy Rossijskoj Federacii // Ekonomicheskie issledovaniya. – 2016. – № 4.
7. *Privalov V.I.* Obosnovanie novej struktury kreditno-bankovskoj sistemy Rossii // Territoriya nauki. – 2016. – № 5. – S. 164–168.
8. *Shumkova K.G.* Tendencii razvitiya bankovskoj sistemy Rossii: ugrozy i vozmozhnosti // Bankovskoe delo. – 2014. – № 14. – S. 11–20.

УДК 347.97/.99

СООТНОШЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ UDRP И ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Слабоспицкий Анатолий Сергеевич^{1,2},
e-mail: slabospitskyas@gmail.com,

Емкужева Олеся Владимировна¹,
e-mail: olesya200162@gmail.com,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

Проведен анализ особенностей рассмотрения доменных споров по процедуре UDRP и рассмотрена возможность отнесения такого разбирательства к третейскому. Задача исследования – краткий обзор опыта осуществления производства как посредством UDRP, так и третейскими судами. Цель работы – осветить проблемы правовой природы рассмотрения дела по процедуре UDRP и третейского разбирательства. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также общенаучные методы познания. Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что разрешение спора при помощи UDRP не позволяет считать данный механизм разновидностью третейского разбирательства. Установлено, что данные альтернативные механизмы разрешения конфликтов обладают рядом общих черт. Это, в свою очередь, подтверждается приведенной судебной практикой, особенно в свете того, что споры по рассмотрению доменных споров будут только расширяться, в том числе из-за постоянного наращивания объемов экономики в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: процедура UDRP, третейское разбирательство, доменные споры, альтернативные способы разрешения споров

CORRELATION OF THE UDRP PROCEDURE AND ARBITRATION PROCEEDINGS

Slabospitsky A.S.^{1,2},
e-mail: slabospitskyas@gmail.com,

Yemkuzheva O.V.¹,
e-mail: olesya200162@gmail.com,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

The paper analyzes the features of the consideration of domain disputes under the UDRP procedure and the possibility of attributing such proceedings to arbitration. The purpose of the investigation is a brief overview of the experience of conducting proceedings both through UDRP and arbitration courts. The purpose of the investigation is to highlight the problems of the legal nature of the case under the UDRP procedure and arbitration proceedings. The methodological basis of the research was: the formal legal method, the comparative legal method, as well as general scientific methods of cognition. The conducted analysis allows us to conclude that dispute resolution using UDRP does not allow us to consider this mechanism as a kind of arbitration. However, it allows us to conclude that these alternative conflict resolution mechanisms have a number of common features. It is confirmed by the judicial practice cited in the work, especially in light of the fact that disputes over domain disputes will only expand, among other things, due to the constant increase in the volume of the economy in the field of information and communication technologies.

Keywords: UDRP procedure, arbitration, domain disputes, alternative dispute resolution methods

DOI 10.21777/2587-9472-2022-1-23-27

В мировом сообществе предусмотрена специальная процедура UDRP по рассмотрению доменных споров. Важным является определение уровня доменного имени, т.к. разрешения споров по поводу международного и национального доменов различаются. В первом случае применение процедуры UDRP является обязательным в силу оговорки, содержащейся в регистрационных соглашениях между регистраторами и правообладателями доменных имен. По процедуре UDRP рассматриваются споры в отношении доменов .org, .com, .info, .biz, а также в других доменах верхнего уровня, которые приняли политику UDRP на добровольной основе (российские домены .ru и .рф не входят в этот перечень на данный момент). В соответствии с данной процедурой, рассмотрение таких споров возможно только в специализированных арбитражных центрах. В настоящее время ставится вопрос о правовой природе данных центров и возможности отнесения процедуры UDRP к третейскому разбирательству.

Монополия на осуществление правосудия закреплена за государством. Действительно, правила судебного разбирательства установлены законодательством. Однако государство оставляет свободу действий в частноправовых отношениях и позволяет субъектам предпринимательской деятельности, заключив специальное соглашение, самим определить правила, по которым будет разрешен спор [1] и вестись непосредственно третейское разбирательство. При этом ограниченный контроль государства за исполнением и законностью третейского решения остается. В соответствии с Федеральным законом РФ от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹ государственный суд обязан оставить исковое заявление без рассмотрения по вопросу, являющемуся предметом арбитражного соглашения, если любая из сторон сообщит об этом, а также при условии, что такое соглашение не является недействительным. Следовательно, определив третейский суд в качестве органа, рассматривающего конкретный спор, стороны, при наличии соответствующего заявления от одной из них, лишаются возможности обратиться в арбитражный суд для разрешения дела по существу.

В доктрине не сложилось единого мнения по поводу различий в правовой природе рассмотрения дела по процедуре UDRP и третейского разбирательства. Приверженцы отнесения разбирательства с применением процедуры UDRP к аналогам третейского разбирательства исходят из частноправового характера таких споров [2, с. 234]. Подобная характеристика споров вместе с негосударственной природой арбитражных центров сближает их деятельность с деятельностью третейских судов. По механизму действия данная процедура также достаточно схожа с правилами проведения третейского разбирательства [3]. По аналогии с выбором третейских судей стороны должны договориться о назначении нейтрального арбитра или арбитров. Более того, в соответствии с принципами UDRP должны быть соблюдены принципы беспристрастности и независимости членов комиссии. Заключая договор с регистратором, правообладатели доменных имен фактически соглашаются на передачу спора в арбитражный центр. Такое положение косвенным образом напоминает арбитражную оговорку. Правообладатели доменов заключают договор о регистрации доменов с уполномоченными ICANN регистраторами, в котором дается сноска на процедуру UDRP, а затем Заявитель, единственно имеющий право инициировать рассмотрение спора в арбитражном центре, подает жалобу в выбранное им учреждение [4, с. 2].

При этом существуют особенности рассмотрения дела с применением процедуры UDRP, которые отличают ее от третейского разбирательства. Так, слушание по делу проходит заочно на основании предоставленных сторонами документов, а стороны могут присутствовать на процессе только в исключительных случаях при наличии согласия административной комиссии. Принципы процедуры UDRP предусматривают публичное рассмотрение дела с размещением материалов дела и решения в сети Интернет, что прямо противоречит Федеральному закону РФ от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»², в соответствии с которым арбитраж является конфиденциальным, а дело рассматривается в закрытом заседании.

Однако есть более существенные отличия, которые, на наш взгляд, все-таки не позволяют говорить о том, что такое разбирательство является аналогом или разновидностью третейского разбирательства. Прежде всего, необходимо отметить, что договор заключается между регистратором и правообладателем доменного имени, а истец является третьим лицом, которое фактически не является

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (ч. 1). – Ст. 2.

² Там же.

стороной данного соглашения. В то время как оговорка о передаче дела в арбитражный центр для рассмотрения его с помощью процедуры UDRP не порождает конкретные гражданско-правовые обязанности в виде обязательного исполнения решения комиссии [5, с. 129], решение третейского суда является обязательным, а его оспаривание допустимо в установленных законом случаях без повторного рассмотрения дела по существу. В правилах UDRP не содержится положений о возможности обжаловать решение административной комиссии. Напротив, в Единой политике разрешения споров по доменным именам указано, что регистратор выполняет решение комиссии через 10 дней после того, как оно стало известно, или не выполняет, если в течение этих 10 дней получена официальная документация, свидетельствующая о возбуждении производства в государственном суде.

Поскольку правилами предусмотрена возможность подать иск в государственный суд как до и после процедуры, так и во время рассмотрения дела административной комиссией, усматривается возможность повторного рассмотрения дела в рамках судебного разбирательства [6, с. 4]. Признав разбирательство по процедуре UDRP третейским, мы приходим к тому, что содержание правил UDRP будет противоречить действующему законодательству об арбитраже.

На практике встречаются случаи, когда сторона, проигравшая дело по процедуре UDRP, выигрывала его в государственном суде. Например, в деле *Barcelona.com, Inc. v. Excelentísimo Ayuntamiento De Barcelona* ответчик по процедуре UDRP, не согласившись с решением комиссии, подал иск в национальный суд, решение которого было вынесено уже в его пользу³.

Если доменное имя становится предметом рассмотрения в судебном порядке, то рассмотрение дела по существу начинается с самого начала [6]. В соответствии с Обзором судебной практики Всероссийской организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС), версия 3.0, национальные суды не связаны решением, вынесенным комиссией в соответствии с процедурой UDRP. В 2019 г. в Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству была подана жалоба⁴ на неправомерное использование и регистрацию доменного имени. Заявитель не смог доказать тождественность или сходность до степени смешения доменного имени и товарного знака. Более того, в процессе рассмотрения дела был сделан вывод об отсутствии у Заявителя прав на товарный знак. Административная комиссия отказала истцу в удовлетворении жалобы, а вопрос о правомерности владения доменным именем посчитала целесообразным оставить на рассмотрение национальному суду. После завершения разбирательства в арбитражном центре было инициировано судебное разбирательство по делу № 88-15925/2021⁵. Суд рассматривал в судебном заседании гражданское дело по иску о признании сделки недействительной и восстановлении права на администрирование доменного имени по кассационной жалобе на решение Савеловского районного суда. Государственный суд учел доводы, к которым пришла комиссия, однако решением комиссии не руководствовался.

При рассмотрении искового заявления в деле № СИП-610/2015 компании «ГГС Лтд.» к компании «Ритцио Печис Лимитед»⁶ о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования суд принял во внимание доказательства, предоставленные стороной в Арбитражный центр ВОИС, при этом рассматривая дело по существу и вынося решение, основанное именно на национальном законодательстве. Следовательно, разрешение споров в арбитражных центрах и судах является независимым друг от друга, а рассмотрение в одном органе не препятствует рассмотрению в другом.

Российские суды на данный момент не признают процедуру UDRP в качестве третейского разбирательства. Согласно позиции Федеральной антимонопольной службы Северо-Западного округа в Постановлении от 11 ноября 2005 г. по делу № А56-46111/03⁷ рассмотрение спора Центром ВОИС по

³ *Barcelona.com, Inc. v. Excelentísimo Ayuntamiento De Barcelona*. – URL: <http://www.law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/330/617/565079> (дата обращения: 06.02.2022). – Текст: электронный.

⁴ WIPO Domain Name Decision: D2019-2332. – URL: <http://www.wipo.int/tools/ru/gsearch.html?cx=016458537594905406506%3Ahmturfvwzzq&language=ru&hl=ru&lr=&cof=FORID%3A11&tab=1&q=trotsenko#gsc.tab=0&gsc.q=trotsenko&gsc.page=1> (дата обращения: 24.12.2021). – Текст: электронный.

⁵ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-15925/2021: [от 6 июля 2021 г. № 88-15925/2021]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2022). – Текст: электронный.

⁶ Судебные и нормативные акты Российской Федерации. Решение от 21 января 2015 г. – URL: <http://www.sudact.ru/arbitral/doc/iq491GfrvaYJ> (дата обращения: 14.02.2022). – Текст: электронный.

⁷ Постановление Федеральной антимонопольной службы Северо-Западного округа по делу № А56-46111/03: [от 11 ноября 2005 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2022). – Текст: электронный.

арбитражу и посредничеству не является третейским разбирательством, поэтому суды обоснованно отказали в прекращении производства по делу.

Поскольку домены .ru. и .rf. не входят в перечень доменов верхнего уровня, для которых процедура UDRP обязательна, доменные споры в основном рассматриваются в государственных судах [7, с. 47]. Именно поэтому в России вопрос о введении такой системы не решен. Несмотря на это, суды обращаются к Политике UDRP при рассмотрении вопроса о недобросовестности при регистрации и использовании доменного имени [8]. В Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 22 марта 2021 г. № 10АП-3287/2021 по делу № А41-8306/2020⁸ суд, руководствуясь параграфами 4(a) (iii) и 4(b)(i–iv) Политики UDRP, посчитал, что ответчик не злоупотреблял своими правами при регистрации товарного знака и намеренно не создавал сходство с товарным знаком истца.

Более того, суд может признать рассмотрение спора в арбитражном центре в качестве альтернативного механизма разрешения спора. В связи с этим особый интерес представляет Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 мая 2021 г. № 09АП-11621/2021-ГК по делу № А40-265088/2020⁹, в котором суд пришел к выводу о том, что истец потерял интерес к подаче искового заявления, т.к. в отношении спорного доменного имени подал жалобу в Арбитражный центр ВОИС в рамках дела D2021-1110.

Соответственно, можно говорить о невозможности характеризовать разбирательство по процедуре UDRP в качестве третейского разбирательства. Несмотря на наличие общих черт с третейским разбирательством и международным коммерческим арбитражем, особенности функционирования арбитражных центров и содержание правил UDRP позволяют говорить о неюрисдикционном альтернативном способе разрешения спора, связанного с использованием доменного имени.

Список литературы

1. Гуреев В.А., Слабоспицкий А.С. Отдельные вопросы внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность судов в контексте зарубежного опыта // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 10. – С. 72–75.
2. Рожкова М.А., Афанасьев Д.В. Доменные споры: избранные аспекты // Право в сфере Интернета: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. – Москва: Статут, 2018. – С. 224–245.
3. Храпова О.К. Есть ли связь между международным киберсквоттингом и современным арбитражем? // Третейский суд. – 2020. – № 1/2. – С. 311–314.
4. Королев Д.Ю., Наумов В.Б. Процессуальный статус UDRP России: возможности и парадоксы // Патенты и лицензии. – 2003. – № 4. – С. 2–8.
5. Терентьева Л.В. Разрешение арбитражными центрами доменных споров по процедуре UDRP // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 4. – С. 124–135.
6. Терентьева Л.В. Правовая природа арбитражных центров, рассматривающих споры по процедуре UDRP // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 9. – С. 1–22.
7. Терентьева Л.В. Правовая природа оговорок в отношении арбитражных центров, разрешающих споры по процедуре UDRP // Lex Russica. – 2020. – № 6. – С. 44–60.
8. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI в.: монография. – Москва: Юстицинформ, 2020. – 224 с.

References

1. Gureev V.A., Slabospickij A.S. Otdel'nye voprosy vnedreniya informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v deyatel'nost' sudov v kontekste zarubezhnogo opyta // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2019. – № 10. – S. 72–75.
2. Rozhkova M.A., Afanas'ev D.V. Domennye spory: izbrannye aspekty // Pravo v sfere Interneta: sb. st. / отв. ред. М.А. Рожкова. – Moskva: Statut, 2018. – S. 224–245.

⁸ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда по делу № А41-8306/2020: [от 22 марта 2021 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.01.2022). – Текст: электронный.

⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-265088/2020: [от 11 мая 2021 г. № 09АП-11621/2021-ГК]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.01.2022). – Текст: электронный.

3. *Hrapova O.K.* Est' li svyaz' mezhdu mezhdunarodnym kiberskvottingom i sovremennym arbitrazhem? // Tretejskij sud. – 2020. – № 1/2. – S. 311–314.
4. *Korolev D.Yu., Naumov V.B.* Processual'nyj status UDRP Rossii: vozmozhnosti i paradoksy // Patenty i licenzii. – 2003. – № 4. – S. 2–8.
5. *Teren'teva L.V.* Razreshenie arbitrazhnymi centrami domennyh sporov po procedure UDRP // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2014. – № 4. – S. 124–135.
6. *Teren'teva L.V.* Pravovaya priroda arbitrazhnyh centrov, rassmatrivayushchih spory po procedure UDRP // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2020. – № 9. – S. 1–22.
7. *Terent'eva L.V.* Pravovaya priroda ogovorok v otnoshenii arbitrazhnyh centrov, razreshayushchih spory po procedure UDRP // Lex Russica. – 2020. – № 6. – S. 44–60.
8. *Churilov A.Yu.* Pravovoe regulirovanie intellektual'noj sobstvennosti i novyh tekhnologij: vyzovy XXI v.: monografiya. – Moskva: Yusticinformat, 2020. – 224 s.

УДК 343.8

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ СИСТЕМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ

Кривошеев Сергей Владимирович^{1,2},

e-mail: 9262625339@mail.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Россия

Исследуются вопросы реализации в деятельности органов управления и учреждений уголовно-исполнительной системы России современных цифровых технологий, технических средств, необходимых для обеспечения режима и надзора, охраны, безопасности персонала, осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также иных лиц, взаимодействующих с системой исполнения уголовных наказаний. Исследование проводилось в 2003–2021 гг. в Московской, Смоленской, Мурманской, Рязанской областях, Республике Калмыкия, городе Москве. Целью исследования является оценка реализации в деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, исполняющих меру пресечения в виде заключения под стражу, цифровых технологий и систем для обеспечения надлежащего режима, безопасности осужденных, подозреваемых, обвиняемых, содержащихся под стражей, сотрудников уголовно-исполнительной системы и других лиц, реализации их прав, обязанностей и законных интересов. Исследованию подвергалась деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы, связанных с исполнением уголовного наказания в виде лишения свободы, исполнением меры пресечения в виде заключения под стражу, а также деятельность органов управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, цифровые системы, исправительное учреждение, следственный изолятор, осужденный

THE USE OF DIGITAL SYSTEMS IN THE ACTIVITIES OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS AND PRE-TRIAL DETENTION CENTERS

Krivosheev S.V.^{1,2},

e-mail: 9262625339@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

²State Socio-Humanitarian University, Kolomna, Russia

The paper investigates the issues of the implementation of modern digital technologies, technical means necessary to ensure the regime and supervision, security, safety of personnel, convicts, persons in custody, as well as other persons interacting with the system of execution of criminal penalties in the activities of management bodies and institutions of the penal enforcement system of Russia. The study was conducted in the period from 2003 to 2021 in the Moscow oblast, Smolensk oblast, Murmansk oblast, Ryazan oblast, Kalmykia region and Moscow. The purpose of the investigation is to assess the implementation of digital technologies and systems in the activities of institutions and bodies executing criminal penalties, executing a preventive measure in the form of detention, to ensure an appropriate regime, ensuring the safety of convicts, suspects, accused detainees, employees of the penal enforcement system and other persons, the realization of their rights, duties and legitimate interests. The activity of institutions of the penal enforcement system related to the execution of criminal punishment in the form of imprisonment, the execution of a preventive measure in the form of detention, as well as the activities of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation were investigated.

Keywords: penal enforcement system, digital systems, correctional institution, remand prison, convict

DOI 10.21777/2587-9472-2022-1-28-32

Наше общество охватили стремительные процессы цифровизации и сетевизации. Выступая в Иннополисе 9 июля 2020 г., М. Мишустин отметил, что мир постепенно переходит в цифровое измерение, цифровые товары и услуги вытесняют привычные отрасли, исчезают профессии, а труд людей заменяют машины [1, с. 132].

Цифровизация как феномен глобализации представляет собой безостановочно проникающее вглубь бытия человека явление, формирующее новое информационное пространство внутри как самого социума, так и его основных институтов: культуры, религии, образования и др. [2, с. 40]. Общество вступило в новую эру – эру цифровой индустриализации, оставляя за собой застарелое представление о роли человека в возможности влияния на развитие общества в целом [3, с. 7].

Цифровизация – это новые общественные отношения, порожденные цифровыми технологиями, складывающиеся в сфере экономики, политики, обороноспособности, права, культуры и иных социальных сферах общества, позволяющих достичь более высокого качества продукта на основе применения различных систем искусственного интеллекта с наименьшими затратами труда в целях удовлетворения запросов общества и улучшения качества жизни населения [4, с. 7].

В настоящее время в деятельность правоохранительных органов внедряется большое число электронных систем и ассистентов. Не является исключением и деятельность пенитенциарных учреждений и органов управления. Рассмотрим данный процесс в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, к которым относятся колонии-поселения, исправительные колонии общего, строгого, особого видов режима, воспитательные колонии, лечебные исправительные учреждения, тюрьмы, следственные изоляторы, исполняющие меру пресечения в виде заключения под стражу, а также роль исправительного учреждения для некоторых категорий осужденных.

Правовым основанием применения различных технических средств в деятельности пенитенциарных учреждений являются ст. 83 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ)¹, ст. 14 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»², ст. 34 Федерального закона РФ от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»³, ведомственные нормативно-правовые акты: Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные Приказом Минюста РФ от 16 декабря 2016 г. № 295, Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов, утвержденные Приказом Минюста РФ от 14 октября 2005 г. № 189 и другие, а также нормативно-правовые акты, регулирующие порядок осуществления оперативно-розыскной деятельности сотрудниками уголовно-исполнительной системы с использованием различных технических средств и технологий.

Одним из видов использования цифровых систем является процесс организации видеоконференц-связи. Особенно часто он встречается в следственных изоляторах. Актуальность процесса дистанционного участия осужденных лиц, содержащихся под стражей в процессе судебного разбирательства, в последнее время, в период борьбы с новой коронавирусной инфекцией COVID-19, не вызывает сомнений. Основанием для ее проведения являются нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), а именно ч. 6 ст. 35, ч. 4 ст. 240 (допрос потерпевшего, свидетеля), ч. 6.1 ст. 241, ч. 1 ст. 293 (последнее слово подсудимого), ст. 278.1 (допрос свидетеля), ч. 2 ст. 389.12, ч. 8 ст. 389.13 (рассмотрение апелляции), ч. 2 ст. 399, ч. 2 ст. 401.13 (рассмотрение кассации) УПК РФ [5]. Данное мероприятие проводится в специально выделенных местах следственного изолятора или исправительной колонии (обычно это следственные кабинеты), позволяющих разместить соответствующую аппаратуру, и по команде из зала судебного заседания происходят подключение видеоизображения и проверка звука.

Цифровые технические средства находят широкое применение в обеспечении режима и надзора в процессе отбывания наказания и содержания под стражей. При их применении осуществляется контроль: соблюдения установленных правил; выполнения запретов и ограничений со стороны осужденных и лиц, заключенных под стражу; выполнения должностных обязанностей сотрудниками уголовно-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

² Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.

исполнительной системы; недопущения правонарушений и преступлений со стороны как указанных, так и других лиц.

К средствам обеспечения режима и надзора относятся системы видеонаблюдения, которые бывают переносными (видеорегистраторы, среди которых преимущественно используются «Дозор», «Дозор-М» и др.) и стационарными (видеокамеры преимущественно с инфракрасным датчиком, датчиком движения, размещаемыми в самых разнообразных местах, наиболее опасных с точки зрения совершения правонарушений и массового скопления осужденных). Основными местами размещения стационарных средств видеонаблюдения являются: камерные помещения, карцерные помещения (в СИЗО), единые помещения камерного типа, помещения камерного типа, штрафные изоляторы, помещения отрядов, столовой, цеха промышленной зоны, за исключением зон приватности. Помимо средств видеонаблюдения к средствам обеспечения режима следует отнести «тревожные кнопки», выдаваемые для постоянного ношения женщинам, находящимся на территории исправительного учреждения.

Кроме того, к средствам обеспечения режима относятся системы, обеспечивающие внутриобъектовый пропускной режим посредством установления различных категорий допуска персонала на разные объекты внутри исправительного учреждения (жилая и промышленная зона, административное здание, штрафной изолятор, учебные помещения, медицинская часть и др.).

Следует выделить и средства, обеспечивающие допуск на режимную территорию соответствующего учреждения, к которым относятся приспособления досмотра лица, проходящего на режимную территорию, а также переносимых вещей. Здесь нужно отметить то, что применяются различные виды металлодетекторов, как переносных, так и стационарных, рентген установки.

Для идентификации входящих и выходящих лиц используются системы фотоидентификации личности посредством фотографирования входящего в исправительное учреждение и выходящего из него, сопоставления изображений с помощью компьютерных программ, а также использования сканера отпечатков пальцев, работающего по такому же принципу. Данные системы контроля допуска и выхода из исправительного учреждения повсеместно применяются и при освобождении осужденных, отбывших наказание, а также в отношении лиц, освобождаемых из-под стражи.

Отдельно следует остановиться на цифровых средствах обеспечения охраны в исправительных учреждениях и следственных изоляторах. Здесь так же, как и при обеспечении режима и надзора, используются разнообразные цифровые средства, направленные на недопущение совершения побегов, нападения на учреждение, перевозку, перенос и иное перемещение запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения. При охране учреждения широко используются средства видеонаблюдения, идентичные средствам видеонаблюдения, применяемым при обеспечении режима внутри учреждения, а также различные специальные охранные датчики и системы, функция которых заключается в раннем обнаружении побега осужденных: противотаранные, направленные на обнаружение разрушения стен, противоподкопные, противоперебросовые и др.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы активно используется электронный документооборот, который является неотъемлемой частью деятельности всех государственных органов и учреждений. Приказом Федеральной службы исполнения наказаний РФ (далее – ФСИН России) от 7 марта 2012 г. № 149 «О внесении изменений в инструкцию по делопроизводству в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, утвержденную Приказом ФСИН России от 10 августа 2011 г. № 463 "Об утверждении Инструкции по делопроизводству в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы"» введены понятия электронного документа и электронного документооборота, а внедрение в служебную деятельность системы электронного документооборота явилось эффективным решением задач по оптимизации потоков информации и документов, снижению нагрузки на сотрудников секретариатов [6]. Относительно недавно Распоряжением ФСИН России от 2 сентября 2016 г. № 112-р «О введении в опытную эксплуатацию информационной системы персонифицированного учета и кадрового делопроизводства в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы» Информационная система персонифицированного учета и кадрового делопроизводства в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы РФ (далее – ИС ПКД) введена в опытную эксплуатацию в управлении кадров ФСИН России, территориальных органах ФСИН России, а Распоряжением ФСИН России от 3 июля 2017 г. № 157-р ИС ПКД введена в опытную эксплуатацию в учреждениях, непосред-

ственно подчиненных ФСИН России, и учреждениях, подчиненных территориальным органам ФСИН России [7, с. 47].

Отдельно следует остановиться на реализации прав осужденных, которых коснулась всеобщая цифровизация. В настоящее время существует возможность общения осужденных с родственниками и иными лицами через предоставляемую услугу ФСИН-письмо, суть которой заключается в возможности направления электронных писем через сайт ФСИН России. Услуга является платной, но у нее есть неоспоримое преимущество перед обычной отправкой писем – скорость доставки.

Родственники или иные лица могут дистанционно переслать продуктовую или вещевую передачу осужденному, отбывающему наказание в исправительном учреждении или лицу, содержащемуся под стражей в следственном изоляторе, в соответствии с ассортиментом, представленным в магазине, работающем при учреждении уголовно-исполнительной системы.

Кроме того, в системе ФСИН России организована работа интернет-сайтов, начиная с ее центрального аппарата и заканчивая непосредственно исправительными учреждениями и следственными изоляторами. В настоящее время в системе ФСИН России действуют следующие информационные системы: Федеральная государственная информационная система «Система электронного мониторинга подконтрольных лиц»; Федеральная государственная информационная система «Система контроля транспортных средств»; «Официальный интернет-портал Федеральной службы исполнения наказаний»; Государственная информационная система «Программный комплекс "Автоматизированная картотека учета спецконтингента УИИ"»; Государственная информационная система «Программный комплекс автоматизированного картотечного учета лиц, содержащихся в следственных изоляторах»; Государственная информационная система «Программный комплекс автоматизированного картотечного учета лиц, содержащихся в исправительных учреждениях»; Государственная информационная система «Автоматизированное рабочее место пенитенциарного психолога»; Электронная система «Сервис Федеральной службы исполнения наказаний по предоставлению находящихся в ее распоряжении документов и сведений в электронном виде заинтересованным федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления при предоставлении ими государственных услуг»⁴.

С постоянным развитием интернет-технологий и возрастанием количества преступлений, совершаемых в данной сфере, некоторые исследователи предполагают, что необходимо будет вводить новый вид наказания, который в условиях интенсивной цифровизации жизнедеятельности приобретет свое значение как «ограничение права на цифровое присутствие в сети Интернет» [8, с. 205].

Таким образом, следует отметить, что в настоящее время в уголовно-исполнительной системе существует устойчивая тенденция к цифровизации деятельности как органов управления, так и подведомственных учреждений. В дальнейшем необходимо совершенствовать данную деятельность, например внедрять систему распознавания лиц как при входе и выходе из учреждения, так и внутри него, потому что так будет проще выявлять нарушителей режима отбывания наказания и содержания под стражей, а также это будет способствовать предупреждению подготавливаемых и совершаемых преступлений.

Необходимо установить более современную и прозрачную обратную связь осужденных с родственниками, например посредством сайтов учреждений уголовно-исполнительной системы, и наделять соответствующими полномочиями администрацию, что приведет к большей открытости данной деятельности и, как следствие, возможности уменьшения спекуляции различных правозащитных организаций в контексте нарушений прав человека в местах лишения свободы.

Несомненно, внедрение современных технических средств в пенитенциарные учреждения должно способствовать обеспечению режима и надзора, охраны данных учреждений, уменьшать количество правонарушений, совершаемых спецконтингентом, особенно побегов и насильственных преступлений.

⁴ Федеральная служба исполнения наказаний: [сайт]. – URL: http://www.fsin.gov.ru/information_systems (дата обращения: 28.01.2022). – Текст: электронный.

Список литературы

1. Сундурова О.Ф. Цифровизация и сетевизация: проблемы дифференциации уголовной ответственности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 132–139.
2. Серебренникова А.В. Цифровизация исполнения наказания: состояние и перспективы // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 40–45.
3. Сергеева Г.Н. Цифровое общество как социокультурный феномен // Процессы цифровизации в современном социуме: тенденции и перспективы развития: сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Москва: РНУ, 2019. – С. 7–10.
4. Куксин И.Н. Цифровизация – новая реальность в праве // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. – 2020. – № 1. – С. 6–12.
5. Дашкин А.В. Использование систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе // Молодой ученый. – 2018. – № 24. – С. 201–203.
6. Жилыев В.В. Перспективы внедрения цифровых технологий в служебную деятельность кадровых подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Молодой ученый. – 2021. – № 6. – С. 197–200.
7. Кочкина А.В. Комплектование кадров в уголовно-исполнительной системе // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 1. – С. 47–50.
8. Никитин Е.В. Цифровизация уголовного наказания // Smart Law for Smart Industry: сб. науч. ст. – Москва: Южно-Уральский государственный университет, 2020. – С. 201–207.

References

1. Sundurova O.F. Cifrovizaciya i setevizaciya: problemy differenciacii ugovolnoj otvetstvennosti // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. – 2020. – T. 4, № 4. – S. 132–139.
2. Serebrennikova A.V. Cifrovizaciya ispolneniya nakazaniya: sostoyanie i perspektivy // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2021. – T. 29, № 1. – S. 40–45.
3. Sergeeva G.N. Cifrovое obshchestvo kak sociokul'turnyj fenomen // Processy cifrovizacii v sovremennom sociume: tendencii i perspektivy razvitiya: sb. dok. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. – Moskva: RNU, 2019. – S. 7–10.
4. Kuksin I.N. Cifrovizaciya – novaya real'nost' v prave // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. – 2020. – № 1. – S. 6–12.
5. Dashkin A.V. Ispol'zovanie sistem videokonferencsvyazi v ugovolnom processe // Molodoj uchenyj. – 2018. – № 24. – S. 201–203.
6. Zhilyaev V.V. Perspektivy vnedreniya cifrovyyh tekhnologij v sluzhebnyuyu deyatel'nost' kadrovyyh podrazdelenij uchrezhdenij i organov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Molodoj uchenyj. – 2021. – № 6. – S. 197–200.
7. Kochkina A.V. Komplektovanie kadrov v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2015. – № 1. – S. 47–50.
8. Nikitin E.V. Cifrovizaciya ugovolnogo nakazaniya // Smart Law for Smart Industry: sb. nauch. st. – Moskva: Yuzhno-Ural'skij gosudarstvennyj universitet, 2020. – S. 201–207.

УДК 343.13

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАДЕРЖАНИЯ СОГЛАСНО НОРМАМ УПК РФ

Теплякова Ольга Алексеевна¹,
e-mail: oteplyakova@muiv.ru,

Рафиков Мансур Мухаметович¹,
e-mail: r72crime@gmail.com,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Статья посвящена рассмотрению проблем задержания подозреваемого органами предварительного расследования и способов их возможного решения. При этом авторами затронуты проблемные вопросы, связанные с регламентацией оснований, порядка и сроков задержания подозреваемого, ненадлежащее обеспечение законности реализации данной меры процессуального принуждения и сохранение тайны задержания подозреваемого. Особое внимание уделено исследованию вопросов задержания обвиняемого, норм о непосредственном регулировании которого Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) не содержит. Анализируются вопросы правового регулирования задержания и толкования норм как в советское, так и в настоящее время. Сделан вывод о необходимости урегулирования в действующем УПК РФ вопроса о задержании обвиняемого, что соответствовало бы установленному в ч. 1 ст. 1 УПК РФ требованию о порядке уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации, основанном на Конституции Российской Федерации. Предложено внести изменения в п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, основания, порядок и сроки задержания подозреваемого, задержание обвиняемого

ON SOME PROBLEMS ARISING IN THE ACTIVITIES OF THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION IN THE IMPLEMENTATION OF DETENTION IN ACCORDANCE WITH THE NORMS OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Teplyakova O.A.¹,
e-mail: oteplyakova@muiv.ru,

Rafikov M.M.¹,
e-mail: r72crime@gmail.com,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The paper is devoted to the consideration of the problems of detention of a suspect by the bodies of preliminary investigation and ways of their possible solution. At the same time, the author touches upon problematic issues related to the regulation of the grounds, procedure and terms for the detention of a suspect, improper enforcement of the legality of the implementation of this measure of procedural coercion and maintaining the secrecy of the detention of a suspect. Particular attention is also paid to the study of the issues of detention of the accused, the norms on the direct regulation of which the Code of Criminal Procedure does not contain. The article analyzes the issues of legal regulation of detention and interpretation of norms both in the Soviet Union and at present. The author concludes that it is necessary to regulate the issue of detention of the accused in the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which would correspond to the requirement established in Part 1,

Art. 1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the procedure for criminal proceedings on the territory of the Russian Federation, based on the Constitution of the Russian Federation. It is proposed to amend paragraph 1 of part 1 of Art. 91 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: detention of a suspect, grounds, procedure and terms for detention of a suspect, detention of an accused

DOI 10.21777/2587-9472-2022-1-33-38

Задержание лица по подозрению в совершении преступления является одной из самых трудных для осмысления и реализации мер уголовно-процессуального принуждения, в том числе в силу сложной и неоднородной правовой природы [1]. В этой связи представляется верным рассмотреть некоторые проблемы, которые возникают в деятельности органов предварительного расследования при осуществлении задержания согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), и предложить возможные пути их решения.

Проблемы задержания подозреваемого в практике органов предварительного расследования преимущественно связаны с основаниями, сроками и порядком задержания, соответственно, и с соблюдением прав и законных интересов самого подозреваемого.

Так, одной из проблем задержания подозреваемого является дефект в правовом регулировании оснований такого задержания. В частности, п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ¹ установлено, что задержание лица может быть произведено, «когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения». В данной норме использовано словосочетание «лицо застигнуто», что не является равнозначным «лицо обнаружено». Действительно, застигнуть при совершении преступления означает взять с поличным, поймать. Однако возможно ли застигнуть лицо на месте преступления после его совершения, если нет иных данных полагать, что именно данное лицо причастно к совершению преступного деяния? Вопрос риторический. Представляется, что гипотеза анализируемой нормы в таком случае сформулирована не удачно и не предполагает расширенного толкования, что представляет трудность для правоприменителя.

При этом «застичь», или «застигнуть», согласно общепринятому толкованию, означает «внезапно захватить, застать, застать врасплох, застать на месте преступления»². Исходя из указанного значения, можно сделать вывод о необходимости понимания основания для задержания подозреваемого, изложенного в п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, следующим образом: должностное или иное лицо застает в момент совершения преступления либо после его совершения причастного или предположительно причастного к противоправному деянию человека, на что указывает ряд обстоятельств (продолжение преступного поведения, подозрительное поведение, намерение скрыться с места совершения преступления, наличие следов преступления на данном лице, его одежде, находящихся при нем предметах, средств преступления, оружия и т.д.).

Однако зачастую возникают ситуации, когда лицо не может быть признано в качестве застигнутого на месте преступления (оно лишь обнаружено на месте преступления), но, тем не менее, задерживается. Например, в жилом доме обнаружен труп с признаками насильственной смерти. В этом же доме находятся пятеро спящих человек, которые по всем признакам пребывают в состоянии сильного алкогольного опьянения, в связи с чем данные лица не способны дать каких-либо внятных пояснений. При этом следов крови или иных признаков, указывающих на причастность хотя бы одного из указанных лиц к совершению предполагаемого убийства, на данных лицах не имеется. Все обнаруженные на месте лица задерживаются уполномоченными лицами и доставляются в органы предварительного расследования. Учитывая состояние, в котором они задержаны, проводить следственные действия с их участием недопустимо. По прошествии 3 ч с момента задержания подозреваемых существенных обстоятельств для расследования уголовного дела не выявлено, в связи с чем такие лица более не могут ограничиваться в правах, а дальнейшие процессуальные и следственные действия с их участием будут признаны незаконными. Тем не менее, в рассматриваемом случае следователь задерживает всех подо-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва: Мир и Образование, 2012. – 1376 с.

зреваемых на срок 48 ч, чтобы исключить возможные риски, связанные с их освобождением, а также попытаться выяснить обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

В приведенном случае возникает дилемма: не продолжать ограничения прав названных лиц в результате «необоснованного» (по смыслу закона) задержания и допустить при этом известные риски и угрозы или же в нарушение требований УПК РФ задерживать подозреваемых «до выяснения обстоятельств». При этом если подозрение в сложившейся ситуации подтверждается в отношении одного или нескольких из задержанных, то за остальными задержанными лицами будет признано право на реабилитацию и возмещение вреда, причиненного незаконным задержанием, а сам же следователь в указанной ситуации может быть привлечен к дисциплинарной или уголовной ответственности, предусмотренной ст. 286 и 301 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)³.

Верным выходом из данной дилеммы представляется считать внесение изменения в п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, которая может быть сформулирована следующим образом: «когда это лицо застигнуто при совершении преступления или *обнаружено* непосредственно после его совершения».

Данная новелла в законодательном регулировании оснований задержания подозреваемого позволила бы действовать законно, обоснованно, оперативно и более решительно в ситуациях, когда необходимо в полной мере выяснить все обстоятельства совершенного преступного деяния, без риска для лица, проводящего расследование по уголовному делу, быть привлеченным к ответственности.

Не менее значимыми проблемами являются определение времени и исчисление сроков задержания подозреваемого, согласно требованиям ст. 92 УПК РФ в совокупности с п. 11 ст. 5 УПК РФ. Так, в правоприменительной практике органов предварительного расследования возникают следующие вопросы: каким образом фиксировать фактический момент задержания; с какого момента исчислять его время: с момента фактического захвата лица или с момента доставления органам предварительного расследования, или же с момента, когда уполномоченным лицом решен вопрос о задержании лица в качестве подозреваемого?

Действительно, неверно определенный момент задержания и неверное исчисление его сроков могут привести к существенному нарушению прав подозреваемого [2]. В частности, следователь может произвольно зафиксировать в протоколе задержания «удобное» для него время фактического задержания (до момента составления соответствующего протокола). Порой время составления протокола и факт задержания вовсе совпадают. Подобные ситуации нашли свое отражение в практике Европейского суда по правам человека, указывающего, например, в принятом им Постановлении по делу «Фортальнов и другие (Fortalnov and Others) против Российской Федерации»⁴, что отсутствие протокола задержания подозреваемого или его несвоевременное составление свидетельствует о незарегистрированном содержании под стражей лица, права которого нарушаются уже в силу данного факта (отсутствие протокола задержания или его несвоевременное составление). Данное обстоятельство Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) обозначает как абсолютное отрицание основополагающих гарантий прав человека (п. 76 рассматриваемого постановления ЕСПЧ).

В связи со сказанным представляется ситуация, при которой лицо ограничено в своих правах, доставлено в помещение органа предварительного расследования, юридически не задержано, но покинуть данное помещение не может. Первоначальный этап расследования, т.е. непосредственно сразу после возбуждения уголовного дела, и выполнение ряда неотложных следственных действий могут затянуться на несколько дней и более, а лицо может провести в помещении органа предварительного расследования от нескольких часов до нескольких суток, прежде чем в отношении него будет принято процессуальное решение, что может быть связано, к примеру, с проведением экспертизы в связи с подозрением в совершении преступлений, предусмотренных ст. 228, 228.1 УК РФ. В то же время подозрение в отношении задержанного лица может не подтвердиться, тогда налицо будет факт незаконного (в терминах ЕСПЧ – «незарегистрированного») задержания. При этом сами должностные лица органа предварительного расследования могут заявить, что подозреваемый все время находился в помещении такого органа по соб-

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁴ Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Фортальнов и другие (Fortalnov and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 7077/06 и 12 других жалоб): [от 26 июня 2018 г.] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2020. – № 1.

ственной воле, ожидая выяснения всех существенных обстоятельств, связанных с преступлением, в совершении которого «задержанного» подозревали. Таким образом, в рассмотренной ситуации возникает эффект дополнительных «незарегистрированных» ограничений прав подозреваемого.

Зачастую такие ситуации в деятельности органов предварительного расследования исключить не представляется возможным. Как справедливо замечает Н.А. Колоколов, «общеизвестно также и то, что между фактическим задержанием и задержанием, оформленным следователем, пусть и сравнительно редко, проходит значительное время, измеряемое днями, неделями, а то и месяцами, если в силу географических условий правоохранительные органы вынуждены работать "от навигации до навигации"» [3]. В связи с этим в действующем УПК РФ следует предусмотреть норму об исчислении срока задержания на 48 ч с даты и времени составления протокола задержания подозреваемого, а не с «момента фактического задержания-захвата».

Приведенное нововведение позволило бы в полной мере осуществлять все необходимые процессуальные действия с участием задержанного без нарушения сроков задержания. Следует согласиться с мнением отдельных авторов, которые предлагают дополнить общую структуру задержания подозреваемого новым процессуальным действием, заключающимся в его захвате и доставлении в орган дознания или к следователю [4–6].

Проблемным в практике органов предварительного расследования является и соблюдение требования ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ об обязательном участии защитника в составлении протокола задержания (если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого). Дело в том, что нередки такие ситуации, когда присутствующий при фактическом задержании подозреваемого защитник не является для участия в составлении протокола задержания в силу различных обстоятельств (часто злоупотребляя своими процессуальными правами). В подобных ситуациях существует реальный риск нарушения процессуальных сроков и задержания, и составления соответствующего протокола, т.к. вызов защитника для составления протокола задержания подозреваемого может занять гораздо более длительное время, нежели 3 ч, предусмотренные законом. Полагаем, что для подобных случаев в УПК РФ должна быть предусмотрена норма о возможности составления протокола, в порядке ст. 91 УПК РФ без участия защитника (участвовавшего с момента фактического задержания), не явившегося в орган предварительного расследования в течение 3 ч с момента уведомления о доставлении задержанного к следователю, дознавателю.

Еще одной проблемой для органов предварительного расследования является то, что законодательно не урегулировано задержание обвиняемого. Уголовно-процессуальный кодекс РФ не предусматривает процессуальных норм об основании и порядке, сроках и последствиях задержания обвиняемого. Однако в практике органов предварительного расследования возникают и такие ситуации, когда изначально задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, не входит в планы уполномоченных лиц органов предварительного расследования, но после проведения допроса такого лица, предъявления ему первоначального обвинения (соответственно, придания данному лицу статуса обвиняемого) возникает необходимость в его задержании. К примеру, в ходе производства следственных действий с участием обвиняемого следователи параллельно производят допросы свидетелей, которые сообщают об оказании обвиняемым давления на них еще на стадии доследственной проверки либо на начальных этапах расследования. Возможен вариант, когда выясняется, что обвиняемый предпринял меры, чтобы скрыться от органа следствия, а также иные вариации случаев, при которых возникает необходимость применения такой меры, как задержание, к лицу, обладающему статусом обвиняемого. Проблемой в данном случае является определение норм процессуального законодательства, которыми необходимо руководствоваться при задержании обвиняемого.

Фактически, органы предварительного расследования при задержании как подозреваемого, так и обвиняемого руководствуются положениями гл. 12 УПК РФ о задержании подозреваемого, т.е. применяют уголовно-процессуальный закон по аналогии. В то же время УПК РФ не содержит указания на возможность применения аналогии закона в случае обнаружения пробела в регулировании. Кроме того, в нем нет явного запрета на применение аналогии закона.

В теории уголовного процесса вопрос о возможности применения аналогии не нашел однозначного решения ни в советское, ни в настоящее время. В частности, в 1967 г. П.С. Элькин писал о не-

допустимости применения аналогии в уголовно-процессуальном праве, что соответствует отказу от аналогии в праве уголовном [7]. В свою очередь, Т.Н. Добровольская и В.И. Каминская, напротив, не исключали возможности применения аналогии в уголовном процессе [8].

Необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ, выявляя конституционный смысл отдельных положений ранее действующего УПК РСФСР⁵, также допускал возможность аналогии (закона и права) при разрешении жалоб на незаконность и необоснованность отказа в возбуждении уголовного дела⁶, стало быть, и аналогии в уголовно-процессуальном праве вообще. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П указывалось, что пробелы в уголовно-процессуальном регулировании могут восполняться в правоприменительной практике судов и органов предварительного расследования на основе процессуальной аналогии⁷. В таком случае разумно и обосновано считать аналогию исключительным средством преодоления пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве, не допускающим его произвольного применения.

Тем не менее, исходя из изложенного, можно сделать вывод о необходимости урегулирования в действующем УПК РФ вопроса о задержании обвиняемого, что соответствовало бы установленному в ч. 1 ст. 1 УПК РФ требованию о том, что «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации».

В юридической литературе отмечается, что проблемами задержания подозреваемого являются ненадлежащее обеспечение законности реализации данной меры процессуального принуждения и сохранение тайны задержания подозреваемого [9]. Однако характер данных проблем является общим и в определенной мере может быть раскрыт через ранее рассмотренные в данном исследовании положения.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии множества проблем в деятельности органов предварительного расследования при реализации такой меры уголовно-процессуального принуждения, как задержание подозреваемого, а в некоторых случаях и обвиняемого. Решение каждой из рассмотренных проблем должно способствовать обеспечению законности в деятельности лиц, осуществляющих задержание согласно нормам УПК РФ, а также прав и свобод подозреваемого (обвиняемого).

Список литературы

1. *Россинский С.Б.* Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6. – С. 134–145.
2. *Давыдов М.В.* Проблемы правового регулирования исчисления срока задержания полицией: административный и уголовно-процессуальный аспект // Российская юстиция. – 2016. – № 10. – С. 56–59.
3. *Колоколов Н.А.* Протокол задержания: источник важной процессуальной информации // Адвокатская практика. – 2019. – № 2. – С. 38–44.
4. *Зайцев О.А., Смирнов П.А.* Подозреваемый в уголовном процессе: монография. – Москва: Экзамен, 2005. – 320 с.
5. *Цоколова О.И.* Фактическое задержание // Законность. – 2006. – № 3. – С. 25–28.
6. *Шамсутдинов М.М.* Некоторые проблемы задержания по УПК РФ // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 2. – С. 170–174.
7. *Элькинд П.С.* Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. – Москва: Юрид. лит., 1967. – 192 с.
8. *Добровольская Т.Н., Каминская В.И.* Рецензия на книгу: «Элькинд П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права» // Советское государство и право. – 1969. – № 1. – С. 157–158.
9. *Штейнберг Д.* Сохранение в тайне факта задержания подозреваемого нарушает его право на защиту // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 44–45.

⁵ Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации «По жалобе граждан Вахонина Александра Ивановича и Смердова Сергея Дмитриевича на нарушение их конституционных прав ч. 3 ст. 220.2 УПК РСФСР»: [от 24 апреля 2002 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2022). – Текст: электронный.

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности ст. 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края»: [от 28 ноября 1996 г. № 19-П] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 50. – Ст. 5679.

References

1. *Rossinskij S.B.* Diskussiya o sushchnosti i pravovoj prirode zaderzhaniya podozrevaemogo prodolzhaetsya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2018. – № 6. – S. 134–145.
2. *Davydov M.V.* Problemy pravovogo regulirovaniya ischisleniya sroka zaderzhaniya policiej: administrativnyj i ugovolno-processual'nyj aspekt // Rossijskaya yusticiya. – 2016. – № 10. – S. 56–59.
3. *Kolokolov N.A.* Protokol zaderzhaniya: istochnik vazhnoj processual'noj informacii // Advokatskaya praktika. – 2019. – № 2. – S. 38–44.
4. *Zajcev O.A., Smirnov P.A.* Podozrevaemyj v ugovnom processe: monografiya. – Moskva: Ekzamen, 2005. – 320 s.
5. *Cokolova O.I.* Fakticheskoe zaderzhanie // Zakonnost'. – 2006. – № 3. – S. 25–28.
6. *Shamsutdinov M.M.* Nekotorye problemy zaderzhaniya po UPK RF // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. – 2015. – № 2. – S. 170–174.
7. *El'kind P.S.* Tolkovanie i primenenie norm ugovolno-processual'nogo prava. – Moskva: Yurid. lit., 1967. – 192 s.
8. *Dobrovol'skaya T.N., Kaminskaya V.I.* Recenziya na knigu: “El'kind P.S. Tolkovanie i primenenie norm ugovolno-processual'nogo prava” // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1969. – № 1. – S. 157–158.
9. *Shtejnberg D.* Sohranenie v tajne fakta zaderzhaniya podozrevaemogo narushaet ego pravo na zashchitu // Rossijskaya yusticiya. – 2002. – № 7. – S. 44–45.

УДК 343.62

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Завьялова Наталья Алефтиновна¹,

e-mail: Nata_Zavjalova@mail.ru,

¹Управление Роспотребнадзора по Республике Коми, территориальный отдел
в г. Воркуте, г. Воркута, Россия

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на жизнь. Человеческая жизнь – это абсолютная ценность, которую охраняют независимо от пола, возраста, расы и других обстоятельств. Особую роль в его защите играет уголовное законодательство. Выполняя эту роль, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит ряд важных статей об охране жизни, в основном сосредоточенных в гл. 16 УК РФ. Преступления против жизни детей занимают особое место среди преступлений против личности, поскольку дети относятся к наиболее уязвимым группам людей. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, характеризуется деянием, последствиями в виде смерти новорожденного и причинной связью между деянием матери и смертью новорожденного. Объектом преступления является жизнь новорожденного ребенка. Фактически, в ст. 106 УК РФ предусмотрены три вида убийства: убийство матерью новорожденного ребенка во время или после родов; убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации; убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Ключевые слова: детоубийство, новорожденный, ответственность, психотравмирующая ситуация, убийство матерью новорожденного ребенка во время или после родов

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF THE MURDER OF A NEWBORN CHILD BY A MOTHER

Zavyalova N.A.¹,

e-mail: Nata_Zavjalova@mail.ru,

¹Rospotrebnadzor Office for the Republic of Komi, territorial Department in Vorkuta, Vorkuta, Russia

The Constitution of the Russian Federation guarantees everyone the right to life. Human life is an absolute value that is protected regardless of gender, age, race or other circumstances. Criminal legislation plays a special role in its protection. In fulfilling this role, the Criminal Code of the Russian Federation contains a number of important articles on the protection of life, mainly focused on chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation. Crimes against the life of children occupy a special place among crimes against the person, since children are among the most vulnerable groups of people. The objective side of the crime under Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation is characterized by the act, the consequences in the form of the death of a newborn and the causal relationship between the act of the mother and the death of the newborn. The object of the crime is the life of a newborn child. In fact, Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for three types of murder: murder by the mother of a newborn child during or after childbirth; murder by the mother of a newborn child in a traumatic situation; murder by the mother of a newborn child in a mental disorder that does not exclude sanity.

Keywords: infanticide, newborn, responsibility, traumatic situation, mother's murder of a newborn child during or after childbirth

DOI 10.21777/2587-9472-2022-1-39-47

Самостоятельная ценность личности ребенка неоднократно подчеркивается как в международных, так и в национальных законодательных актах. Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г. провозглашает, что «ребенок в силу своей физической и психической незрелости нуждается в особой защите и заботе, включая соответствующую правовую защиту, как до, так и после рождения»¹.

В настоящее время практика складывается таким образом, что нередко у правоприменителей возникает ряд сложностей при применении положений ст. 106 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)², что обусловлено трудностями толкования как некоторых терминов, так и вопросов, связанных с установлением отдельных признаков состава преступления.

Итак, рассмотрим объективные признаки анализируемого преступления.

Общим объектом преступления выступает вся совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Родовым объектом, исходя из расположения статьи в разделе «Преступления против личности», являются общественные отношения, охраняющие интересы личности. Видовой объект представлен общественными отношениями, охраняющими жизнь и здоровье. Наконец, непосредственный объект преступления – это жизнь новорожденного ребенка.

Следует отметить, что если содержание объектов не вызывает дискуссии в уголовно-правовой доктрине, то толкование признака потерпевшего новорожденного ребенка порождает множество споров. Так, российские педиатры полагают, что новорожденным следует считать ребенка в возрасте до 28 дней, согласно акушерам – до одной недели, по мнению судебных медиков – в первые 24 ч³. Вместе с тем представители уголовно-правовой доктрины и практики придерживаются мнения, что новорожденным с точки зрения потерпевшего в ст. 106 УК РФ следует считать ребенка в возрасте до одного месяца.

Группа депутатов в 2017 г. выступила с предложением закрепить понятие «новорожденный ребенок» на законодательном уровне. Так, согласно выдвинутой инициативе, новорожденным следует считать ребенка с момента его рождения и вплоть до достижения им четырехнедельного возраста, однако данный законопроект не был поддержан Государственной Думой Федерального Собрания РФ⁴.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, выражена деянием в форме действия – убийства, т.е. причинения смерти, последствиями в виде смерти новорожденного ребенка и причинно-следственной связью. Кроме того, к признакам объективной стороны относятся определенное время и психотравмирующая ситуация. Данные обстоятельства являются достаточно важными и очень значимыми, учитывая то, в каком психологическом состоянии находится женщина как во время родов, так и после них.

Приведенная норма закона не связана со временем совершения данного деяния, однако именно время является центральным фактором, который позволяет отнести данное преступление в разряд привилегированных. При этом не время как таковое играет здесь ключевую роль, а то особое состояние женщины, в котором она пребывает, являющееся «спусковым крючком» для совершения указанных действий. Иными словами, важную роль играют обстоятельства, сложившиеся в этот период.

Многие авторы полагают, что состояние женщины (роженицы) таково, что она не в состоянии осознавать в полной мере свое поведение. Однако отсюда следует, что время в таком случае не будет иметь абсолютно никакого значения, а это прямо противоречит смыслу указанной нормы закона и искажает смысл, заложенный законодателем [1]. Вместе с тем необходимо понимать, что не могут квалифицироваться по данной норме закона действия женщины, не испытывающей во время родов никакого дискомфорта, только лишь на основании времени их совершения.

Примечательно, что доктрина уголовного права пока так и не пришла к единому мнению об определении периода «сразу после родов», а мнения ученых на этот счет разнятся. А.Н. Красиков [2], Н. Соловьева [3] полагают, что этот период не должен превышать одни сутки после родов, в то время как О. Погодин, А. Тайбаков [4] считают таким периодом еще меньший промежуток времени – 2–4 ч

¹ Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. – Москва: Юрид. лит., 1990. – С. 385–388.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

³ О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи: приказ Минздравсоцразвития Российской Федерации: [от 27 декабря 2011 г. № 1687 (в ред. от 13 сентября 2019 г.)] // Российская газета. – 2012. – № 64. – 23 марта.

⁴ Понятие «новорожденный ребенок» предлагается закрепить на законодательном уровне. – URL: <http://www.garant.ru/news/1156096> (дата обращения: 28.02.2021). – Текст: электронный.

после выведения плаценты, что соответствует раннему послеродовому периоду, когда женщина еще находится в родильном зале. При этом последние авторы объясняют такой подход тем, что если в указанный период времени женщина не имеет патологий, то можно говорить о том, что она является здоровой [Цит. по: 5].

Такие противоречия создают определенные проблемы для правоприменителей. Например, если роды женщины проходят без осложнений, а роды, как известно, – процесс вполне естественный и физиологический, то уже по истечении этого времени она является здоровой. В частности, о здоровье женщины говорит и то обстоятельство, что ее переводят через определенное время в послеродовое отделение, а в течение этих 2–4 ч следят за ее состоянием и в случае необходимости оказывают ей медицинскую помощь. Вместе с тем практика сложилась таким образом, что период «сразу после родов» охватывается сутками после рождения. Что же касается возраста новорожденного, которому причиняется смерть при наличии психотравмирующей ситуации, то большинство ученых полагают [6], что он составляет не более одного месяца. Иначе говоря, возраст потерпевшего в этом случае не может превышать одного месяца. В этом есть определенный рациональный смысл, поскольку законодатель мог иметь в виду, что периодом «сразу после родов» должен охватываться такой промежуток времени, когда женщина еще не совсем «пришла в себя» после этого сложного процесса, а отклонения в ее психофизиологическом состоянии еще сохраняются.

В настоящее время и практика говорит о том, что, как правило, действия оцениваются по ст. 106 УК РФ только при условии совершения убийства младенца сразу после родов. Так, например, приговором Кировского районного суда г. Махачкалы от 14 января 2020 г. Д. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ. Сторона защиты предприняла попытку обжаловать указанный приговор, сославшись на то, что в действиях Д. отсутствует состав преступления, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку совершение своего противоправного деяния Д. объяснила наличием психотравмирующей ситуации и пребыванием в психоэмоциональном состоянии, которое она ощутила как до, так и после совершения преступления. Защитник ссылался на то, что, согласно показаниям его подзащитной, преступление ею было совершено на шестой день после родов, т.е. до достижения ребенком одного месяца, поэтому действия Д. следовало квалифицировать по ст. 106 УК РФ как убийство матерью новорожденного ребенка. Однако суд вышестоящей инстанции апелляционную жалобу не удовлетворил⁵.

Одной из разновидностей данного состава является убийство в условиях психотравмирующей ситуации, наличие которой является обязательным признаком объективной стороны – без нее действия виновной не могут быть квалифицированы по привилегированному составу. Причинами ее создания могут быть абсолютно разные жизненные ситуации, например неприятие ребенка со стороны родственника, наступившая беременность после изнасилования, отказ отца от ребенка и т.д. Безусловно, это не исчерпывающий перечень, а ситуации не обязательно должны быть связаны с этим ребенком. Вместе с тем важно, чтобы именно наступившие жизненные ситуации в совокупности с состоянием женщины, вызванным родами, обуславливали совершение указанного деяния.

Примечательно, что и в этот раз законодатель не дал четкого определения такому понятию, как «психотравмирующая ситуация». По этой причине установление данной ситуации проводится в каждом случае индивидуально, учитывая конкретные обстоятельства, сложившиеся в жизни женщины, при которых было совершено деяние. При этом такая психотравмирующая ситуация может возникать не только во время родов, но и до либо после них. Если убийство ребенка было совершено за пределами его новорожденности, но при наличии той же психотравмирующей ситуации, то квалификация действий женщины по ст. 107 УК РФ невозможна. Связано это с тем, что обстоятельства, которые способствуют возникновению аффекта, содержатся в закрытом перечне и связаны именно с поведением самого потерпевшего.

Сравнение данных выборки показывает, что такое распространенное среди женщин преступление, как детоубийство, чаще всего совершается путем удушения (с использованием рук, веревки, подушки, одеяла, шубы и других средств) и утопления (в реке, колодце, туалете). Нередко ребенка остав-

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Дагестан по делу № 22-337/2020: [от 26 февраля 2020 г. № 72/2012]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2022). – Текст: электронный.

ляют на холоде без одежды и еды, в мусорных баках или, как в рассмотренном ранее примере из судебной практики, наносят жестокие повреждения, не совместимые с жизнью.

Таким образом, подводя итог сказанному, следует заключить, что, несмотря на относительно детальное обозначение законодателем в ст. 106 УК РФ объективных признаков состава преступления, толкование многих из них вызывает дискуссии, что, в конечном счете, негативно сказывается на процессе правоприменения.

Точное установление субъективных признаков также имеет принципиально важное значение для надлежащей квалификации и обеспечения принципа законности.

Субъект преступления – это лицо, совершившее общественно опасное деяние, способное в соответствии с законом понести за него уголовную ответственность. Основными признаками субъекта преступления являются физическое лицо, вменяемость, достижение возраста уголовной ответственности. Вменяемостью следует считать совокупность интеллектуально-волевых свойств человека, которые дают ему возможность осознавать фактический характер своих действий и руководить ими.

Если говорить о возрасте уголовной ответственности, то, по заключению специалистов, возможность разграничить преступное и не преступное и принять решение в определенной жизненной ситуации связывается с наступлением 16-летнего возраста. За отдельные преступления, которые часто совершаются подростками и свойственны им в силу особенностей возраста, а также тяжкие и особо тяжкие преступления, вследствие их повышенной общественной опасности, лица могут нести уголовную ответственность с 14 лет.

Перечисленные признаки являются общими признаками субъекта преступления, но некоторые составы предусматривают наличие специальных признаков. К таким составам относится и убийство матерью новорожденного ребенка. Субъект рассматриваемого преступления – специальный, им является мать новорожденного ребенка, достигшая возраста 16 лет.

По мнению К.В. Талагаевой и К.И. Копыловой, средний возраст женщин, признанных виновными в убийстве новорожденного, составляет 30–49 лет [7–8]. Во многих случаях такие преступления совершаются теми женщинами, которые в период беременности подвергались стрессам, депрессивным состояниям и другим формам психической патологии, в том числе алкоголизму и наркомании, т.е. у них имеются нарушения, способные повлиять на мировоззрение, вызвать неуверенность в своих силах.

Причины совершения убийства зависят и от возраста матери. Так, если маме 12–18 лет, то здесь, скорее всего, будет присутствовать не только страх перед родами, но и боязнь осуждения родителей, учителей, одноклассников, друзей и т.д.

Нужно понимать, что термин «мать», прежде всего, связан с фактом рождения женщиной выношенного ею ребенка в будущем. При этом беременность и сами роды – наиболее важная и ответственная фаза в жизни женщины, которая рассматривается как критический период ее жизни, особая ситуация для адаптации. В этот период существенно изменяются сознание женщины и ее взаимоотношения с миром.

Следует сказать, что, с точки зрения науки, мать может быть как биологической, так и небιологической. Под биологической матерью подразумевается женщина, зачавшая, выносившая и родившая ребенка. В настоящее время с развитием медицины, в данном случае репродуктивной, стало возможным суррогатное и генетическое материнство.

Поскольку в диспозиции ст. 106 УК РФ нет четкого указания на то, что ребенок должен быть ей генетически родным, А.В. Ильяш и А.Н. Комиссарова считают, что суррогатная мать может выступать субъектом данного преступления при совершении деяния, предусмотренного диспозицией рассматриваемой статьи [9]. Согласно Н.Г. Иванову, материнство бывает как фактическим, так и юридическим: фактическое материнство означает, что женщина выносила и родила ребенка, а юридическое основывается исключительно на записи в свидетельстве о рождении. В диспозиции ст. 106 УК РФ имеется в виду юридическая мать, а фактическая (суррогатная) специальным субъектом не считается, т.е. при совершении убийства новорожденного деяние будет квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 105 или ст. 107 УК РФ в зависимости от ситуации. Эта квалификация применительна и в том случае, когда суррогатная мать решила не отдавать ребенка генетическим родителям и признать его собственным. По его мнению, если же суррогатная мать стала по каким-либо причинам юридической матерью, то она автоматически становится субъектом убийства матери новорожденного ребенка [10].

А.Н. Красиков замечает, что женщина может просто вынашивать в своем организме не своего ребенка, исходя из родственных или меркантильных соображений [2]. Он предлагает использовать в ст. 106 УК РФ не термин «мать», а понятия «роженица» и «родильница». «Роженица» или «родильница» – эта та женщина, у которой проходят родовые процессы («биологические» и «суррогатные» матери).

По поводу использования термина «мать» Э.Н. Галиев замечает, что данное понятие нельзя использовать за основу определения специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ. Объясняет это автор тем, что матерью может быть любая женщина, которая либо родила своего ребенка самостоятельно (биологическая мать), либо помогла другой забеременеть и в дальнейшем родить ей ребенка («суррогатная мать»), либо выступала одной стороной по договору суррогатного материнства, но в дальнейшем решила передать родившегося ребенка его генетической родительнице. В этом случае данная родительница может стать матерью для ребенка только после официального закрепления в документах. Такую мать принято называть юридической матерью [11].

Соответственно, можно согласиться с Е.С. Вакалюк в том, что наиболее точное понятие – «женщина», т.к. оно имеет более широкий диапазон определения специального субъекта преступления, чем другие термины, такие как «мать», «роженица» или «родительница» [12].

При этом субъектом может выступать мать, находящаяся в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, что, по мнению А.В. Вашкевич, А.В. Никишкина, И.В. Степанова, представляет собой единственный случай учета в Особенной части УК РФ состояния ограниченной вменяемости в качестве привилегированного признака [13].

Убийство матерью новорожденного ребенка всегда совершается умышленно. Умысел при этом допустим как прямой, так и косвенный. При наличии прямого умысла мать осознает общественную опасность своих действий либо бездействий, предвидит возможность наступления смерти новорожденного и желает ее наступления. Умысел у женщины на убийство ребенка может возникнуть в любой период, например когда она узнает о своей беременности, но в силу каких-либо причин не прерывает ее, скрывает от окружающих. Женщина не встает на учет в женскую консультацию и не готовится к рождению ребенка, что наводит на мысль о том, что она определенно осознает характер своих действий и факт того, что лишает своего ребенка жизни. В указанных случаях, на наш взгляд, отсутствует психотравмирующая ситуация, вызванная родами, что должно повлечь более суровое наказание за его совершение. В итоге женщина рождает и убивает своего младенца (душит, топит, сжигает и т.д.).

Изучение нами 50 приговоров по материалам опубликованной судебной практики по ст. 106 УК РФ показало, что почти в 90 % случаев убийства новорожденных матери не вставали на учет по беременности, скрывали ее. При этом в 95 % случаях они убивали своих детей сразу, на месте родов. Так, К. имела двух малолетних детей и снова находилась в состоянии беременности, о которой никому не рассказывала и, соответственно, на учет по беременности и родам в медицинскую организацию не вставала. К., находясь в магазине, в помещении платного туалета родила ребенка, извлекла его из надетых на нее ласин и, понимая, что новорожденной для поддержания жизнедеятельности требуются питание, уход и специальные условия, мотивируя свои действия тем, что находится в тяжелом материальном положении и не может обеспечить всем необходимым троих малолетних детей, решила совершить убийство своей дочери, т.е., действуя умышленно, поместила ее в полимерный пакет, сдавив горловину руками, осознанно перекрыв поступление воздуха, после чего отнесла данный пакет с новорожденной в укромное, безлюдное место за торговыми павильонами, где и оставила его. При этом осознанно не сообщила об этом каким-либо третьим лицам, которые могли бы оказать помощь новорожденной и предотвратить наступление смерти.

Однако К. не смогла довести задуманное до конца, т.е. ее родовой процесс происходил наглядно для Ш.И.В., которая, объективно оценив происходящие события и поведение К., проявив бдительность и чувство гражданской ответственности, вызвала бригаду скорой медицинской помощи, а после совместно с медицинскими работниками осуществляла поиск К. и ребенка. В результате был обнаружен пакет с новорожденной девочкой, которой врачи оказали должную медицинскую помощь, вследствие чего ребенок остался жив. К. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 ст. 106 УК РФ⁶.

⁶ Приговор Ессентукского городского суда Ставропольского края по делу № 1-125/2020: [от 15 июля 2020 г.]. – URL: <http://www.sudact.ru/regular> (дата обращения: 28.02.2021). – Текст: электронный.

Косвенный умысел на убийство матерью новорожденного будет иметь место, когда женщина осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность наступления общественно опасного последствия в виде смерти новорожденного ребенка, но при этом она не желает смерти своего ребенка, но сознательно ее допускает либо относится к данному последствию безразлично.

На наличие косвенного умысла матери на убийство новорожденного может указывать оставление родившегося ребенка в месте, где найти и спасти его будет невозможно или маловероятно.

В целом, момент возникновения преступного намерения матери не влияет на квалификацию ее деяния: преступление может быть совершено как с внезапно возникшим, так и с заранее обдуманном умыслом.

Субъективная сторона состава ст. 106 УК РФ в основном характеризуется внезапно возникшим умыслом, который формируется под влиянием психического состояния роженицы. В первую очередь, это связано с тем, что женщина находится в стрессовом состоянии.

Как уже отмечалось, если женщина, узнав о своей беременности, не сообщает никому о том, что она ждет ребенка, не встает на учет в женскую консультацию, предпринимает какие-либо действия, чтобы скрыть факт беременности, а впоследствии и факт родов, то тут налицо заранее спланированные действия, которые никоим образом не связаны с процессом родов.

По этому поводу в науке уголовного права высказываются различные мнения. Согласно А.Г. Бабичеву, если убийство матерью новорожденного ребенка характеризуется заранее обдуманном умыслом, то деяние следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство малолетнего лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии [14].

Рассмотрим пример из судебной практики. Приговором Краснобаковского районного суда Нижегородской области Я. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ. Судом установлено, что Я. родила у себя дома живого ребенка, однако, не желая его растить и воспитывать, решила от него избавиться. В целях реализации сложившегося умысла Я. завернула ребенка в сорочку, взяла кухонный нож и нанесла ему не менее 11 ударов ножом в жизненно важные органы, в результате которых новорожденный скончался. После этого Я. поместила труп ребенка в пакет и выбросила в мусорный бак⁷. Как мы видим, характер нанесенных женщиной повреждений свидетельствует о высокой степени общественной опасности совершенного ею деяния. В этой связи следует согласиться с авторами, полагающими, что решать вопрос об уголовной ответственности лиц, совершающих убийство своих новорожденных детей, следует с учетом выбранного способа причинения смерти, который является отражением сформировавшегося умысла.

Однако существует и другое мнение, например Г.Н. Борзенков замечает, что «когда убийство матерью новорожденного ребенка готовится и планируется заранее, совершается расчетливо и хладнокровно, однако если оно по времени совершения укладывается в промежуток во время и сразу же после родов, то должно быть квалифицировано по ст. 106 УК РФ»⁸.

Мотив преступления, хоть и не являющийся в данном случае обязательным признаком состава, имеет большое значение для уголовно-правовой оценки в целом.

Как показало изучение 50 уголовных дел, рассмотренных российскими судами, в числе наиболее распространенных мотивов совершения преступления выделяются: тяжелые материальные условия – 54 %; нежелание иметь ребенка – 25 %; неблагоприятная обстановка в семье – 18 %; отказ мужа признать ребенка – 3 %.

Так, Д. осенью 2019 г., поняв, что забеременела, допуская, что ребенок не ее мужа, решила скрыть от всех свою беременность, в связи с чем ни мужу, ни своим родственникам ничего не рассказывала о ней. На учет в женскую консультацию она не встала. Когда беременность стала заметна для окружающих, Д. рассказала мужу и его матери о беременности. У мужа были подозрения относительно отцовства в отношении этого ребенка, он не желал принимать его в их семью в случае его рождения. Ввиду большого срока беременности, она побоялась делать аборт и решила родить ребенка. Родив мальчика, думая о том,

⁷ Приговор Краснобаковского районного суда Нижегородской области по делу 1-8/2016: [от 1 февраля 2016 г.]. – URL: <http://www.docs.cntd.ru/documents/42036> (дата обращения: 28.02.2021). – Текст: электронный.

⁸ Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учеб.-практ. пособие. – Москва, 2006. – С. 83.

что ребенок не нужен ни ей, ни ее мужу, приняла решение задушить его, т.е. убить. Находясь в комнате квартиры по месту проживания, она схватила лежащего на нижнем ярусе двухъярусной кровати ребенка обеими руками за шею, в результате чего тот начал кричать, после чего с силой стала сдавливать его. Когда отпустила руки, ребенок не дышал, не шевелился, не плакал. Желая скрыть рождение ребенка, отнесла его под навес на придворовой территории, выбросив плаценту и пуповину в выгребную яму. Муж вернулся утром, и она рассказала ему о том, что родила мертвого ребенка, которого похоронила»⁹.

Как правило, мотивы детоубийства обычно являются бытовыми. Так, ими могут выступать тяжелые материальные условия для воспитания ребенка, страх и стыд перед родственниками за рождение ребенка вне брака, невозможность выйти замуж с ребенком, сокрытие факта измены мужу, подстрекательство отца ребенка или просто нежелание иметь ребенка. «Нежелание иметь ребенка» охватывает многие перечисленные причины, по которым женщина убивает новорожденного ребенка, в первую очередь материальные трудности. По мнению И.С. Кара и С.В. Кара, истинной причиной убийства новорожденного является отсутствие инстинкта материнства, т.е. биологическая причина, при достаточно сильном влиянии среды, выступающем в качестве условия [15].

Одним из признаков субъективной стороны убийства матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации является эмоциональное состояние матери. Такая ситуация связана с ее определенными переживаниями и волевой составляющей психической деятельности.

Соответственно, субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется умышленной виной в виде прямого или косвенного умысла. Субъект преступления – специальный, вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, являющееся матерью новорожденного ребенка. При этом у матери может быть психическое расстройство (альтернативный признак), но оно не должно исключать вменяемости. Совершение убийства новорожденного матерью, не достигшей 16-летнего возраста, не является уголовно наказуемым, т.к. не образует состава анализируемого преступления.

По результатам проведенного исследования можно сделать выводы.

В ст. 106 УК РФ фактически предусмотрены три вида убийства: убийство матерью новорожденного ребенка во время или после родов; убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации; убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психического расстройства, не исключającego вменяемости. Объективная сторона ст. 106 УК РФ выражается в действии либо бездействии матери, направленных на лишение жизни новорожденного ребенка. Наиболее распространенная форма детоубийства – это физическое действие путем удушения, утопления. В рассматриваемом преступлении можно выделить только одного специального субъекта – мать новорожденного ребенка, причем законом устанавливается возраст наступления уголовной ответственности – 16 лет. Если роженица не достигла данного возрастного порога, то она не подлежит уголовной ответственности. Умышленное причинение смерти новорожденному ребенку предполагает наличие у виновной прямого или косвенного умысла. Наиболее распространенными мотивами совершения анализируемого преступления, по результатам изучения 50 уголовных дел, рассмотренных российскими судами, являются: тяжелые материальные условия – 54 %; нежелание иметь ребенка – 25 %; неблагоприятная обстановка в семье – 18 %; отказ мужа признать ребенка – 3 %.

В целях дальнейшего совершенствования правового регулирования убийства матерью новорожденного ребенка целесообразно:

- установить срок, в течение которого ребенок считается «новорожденным» и подлежит особой правовой защите, а единым критерием новорожденности определить 28 дней от роду;
- снизить возраст уголовной ответственности по данной статье до 14-летнего возраста. Предлагается внесение дополнений в ч. 2 ст. 20 УК РФ путем включения ст. 106 УК РФ в перечень преступлений, по которым снижен возраст уголовной ответственности.

Привилегированность состава ст. 106 УК РФ должна обосновываться только психотравмирующей ситуацией либо психическим расстройством, не исключающим вменяемости. В остальных случаях деяние должно квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

⁹ Приговор Лузского районного суда Кировской области по делу 1-49/2020: [от 17 июля 2020 г.]. – URL: <http://www.sudact.ru/regular> (дата обращения: 28.02.2021). – Текст: электронный.

Список литературы

1. *Зубова А.В.* О некоторых вопросах конструирования объективной стороны состава убийства матерью новорожденного ребенка // Центральный научный вестник. – 2019. – Т. 4, № 22-23. – С. 27–28.
2. *Красиков А.Н.* Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 124 с.
3. *Соловьева Н.* Психотравмирующая ситуация: значение для квалификации детоубийств // Законность. – 2006. – № 8. – С. 11–13.
4. *Погодин О., Тайбаков А.* Убийство матерью новорожденного ребенка // Законность. – 1997. – № 5. – С. 16–17.
5. *Сенина К.С.* Особенности определения времени совершения преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. – 2018. – С. 221–223.
6. *Перепелкин В.Ю.* Убийство матерью новорожденного ребенка – привилегированный состав преступления: спорные вопросы // Юридические чтения: материалы заоч. науч.-практ. конф. (г. Саранск, 10 апреля 2016 г.). – Саранск: ЮрЭксПрактик, 2016. – С. 42–45.
7. *Талагаева К.В.* К вопросу об уголовных и криминологических аспектах статьи 106 Уголовного кодекса Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. – 2020. – Т. 8, № 3. – С. 144–151.
8. *Копылова К.И.* Характеристика субъекта убийства матерью новорожденного ребенка на основании статистических данных // Молодой ученый. – 2020. – № 4. – С. 392–394.
9. *Ильяш А.В., Комиссарова А.Н.* Ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка: правовые аспекты // Вестник Калужского университета. – 2020. – № 2. – С. 19–21.
10. *Иванов Н.Г.* Убийство суррогатной матерью новорожденного ребенка // Российская юстиция. – 2005. – № 12. – С. 17–20.
11. *Галиев Э.Н.* Некоторые проблемные вопросы определения специального субъекта преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации // Инновационное развитие и модернизация экономики России и зарубежных стран: сб. науч. тр. (г. Орел, 28 февраля 2017 г.). – 2017. – С. 239–251.
12. *Вакалюк Е.С.* Субъект преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 63–65.
13. *Вашкевич А.В., Никишкин А.В., Степанов И.В.* Дискуссионные вопросы квалификации преступления по статье 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка» // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 135–138.
14. *Бабичев А.Г.* Конструктивные признаки в составе убийства матерью новорожденного ребенка // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 11. – С. 175–184.
15. *Капа И.С., Капа С.В.* Убийство матерью новорожденного ребенка: вопросы законодательного совершенствования // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, № 8-1. – С. 143–153.

References

1. *Zubova A.V.* O nekotoryh voprosah konstruirovaniya ob'ektivnoj storony sostava ubijstva mater'yu novorozhdennogo rebenka // Central'nyj nauchnyj vestnik. – 2019. – T. 4, № 22-23. – S. 27–28.
2. *Krasikov A.N.* Otvetstvennost' za ubijstvo po rossijskomu ugovolnomu pravu. – Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1999. – 124 s.
3. *Solov'eva N.* Psihotravmiruyushchaya situaciya: znachenie dlya kvalifikacii detoubijstv // Zakonnost'. – 2006. – № 8. – S. 11–13.
4. *Pogodin O., Tajbakov A.* Ubijstvo mater'yu novorozhdennogo rebenka // Zakonnost'. – 1997. – № 5. – S. 16–17.
5. *Senina K.S.* Osobennosti opredeleniya vremeni soversheniya prestupleniya, predusmotrennogo stat'ej 106 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Yuridicheskie nauki, pravovoe gosudarstvo i sovremennoe zakonodatel'stvo: sb. st. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – 2018. – S. 221–223.

6. *Perepelkin V.Yu.* Ubijstvo mater'yu novorozhdennogo rebenka – privilegirovannyj sostav prestupleniya: spornye voprosy // Yuridicheskie chteniya: materialy zaoch. nauch.-prakt. konf. (g. Saransk, 10 aprelya 2016 g.). – Saransk: YurEksPraktik, 2016. – S. 42–45.
7. *Talagaeva K.V.* K voprosu ob ugovolnyh i kriminologicheskikh aspektah stat'i 106 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. – 2020. – T. 8, № 3. – S. 144–151.
8. *Kopylova K.I.* Harakteristika sub'ekta ubijstva mater'yu novorozhdennogo rebenka na osnovanii statisticheskikh dannyh // Molodoj uchenyj. – 2020. – № 4. – S. 392–394.
9. *Il'yash A.V., Komissarova A.N.* Otvetstvennost' za ubijstvo mater'yu novorozhdennogo rebenka: pravovye aspekty // Vestnik Kaluzhskogo universiteta. – 2020. – № 2. – S. 19–21.
10. *Ivanov N.G.* Ubijstvo surrogatnoj mater'yu novorozhdennogo rebenka // Rossijskaya yusticiya. – 2005. – № 12. – S. 17–20.
11. *Galiev E.N.* Nekotorye problemnye voprosy opredeleniya special'nogo sub'ekta prestupleniya, predusmotrennogo stat'ej 106 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Innovacionnoe razvitie i modernizaciya ekonomiki Rossii i zarubezhnyh stran: sb. nauch. tr. (g. Orel, 28 fevralya 2017 g.). – 2017. – С. 239–251.
12. *Vakalyuk E.S.* Sub'ekt prestupleniya, predusmotrennogo stat'ej 106 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 1. – S. 63–65.
13. *Vashkevich A.V., Nikishkin A.V., Stepanov I.V.* Diskussionnye voprosy kvalifikacii prestupleniya po stat'e 106 UK RF “Ubijstvo mater'yu novorozhdennogo rebenka” // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2019. – № 6. – S. 135–138.
14. *Babichev A.G.* Konstruktivnye priznaki v sostave ubijstva mater'yu novorozhdennogo rebenka // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2014. – № 11. – S. 175–184.
15. *Kara I.S., Kara S.V.* Ubijstvo mater'yu novorozhdennogo rebenka: voprosy zakonodatel'nogo sovershenstvovaniya // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2020. – T. 10, № 8-1. – S. 143–153.

УДК 341.1/8

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

Хмиль Ирина Владимировна¹,
e-mail: irina_hmyl5@mail.ru,

¹Российский государственный университет правосудия, Крымский филиал, г. Симферополь, Россия

Рассматриваются основные направления международно-правового сотрудничества в области обеспечения права на доступное и качественное образование для всех. Выделены проблемы обеспечения права на образование на универсальном уровне, в том числе связанные с изменениями в системе образования, вызванными пандемией Covid-19. Цель работы – выявление особенностей международно-правовых механизмов обеспечения права на образование, которая была достигнута посредством используемых в работе общенаучных (диалектический метод, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции) и частнонаучных методов (юридический анализ, сравнительно-правовой метод). Сформулированные выводы показывают необходимость дальнейшего совершенствования международного сотрудничества государств в области обеспечения доступного и качественного образования для всех с учетом условий современного общества. Полученные результаты исследования подтверждают значимость права на образование как для международного, так и для национального права, а также влияние международных стандартов образования на внутригосударственные механизмы его реализации.

Ключевые слова: право на доступное и качественное образование для всех народов мира, ЮНЕСКО, Covid-19

INTERNATIONAL LEGAL MECHANISMS OF ENSURING THE RIGHT TO EDUCATION

Khmil I.V.¹,

e-mail: irina_hmyl5@mail.ru,

¹Russian State University of Justice, Crimean Branch, Simferopol, Russia

The paper describes the main directions of international legal cooperation in the field of ensuring the right to affordable and high-quality education for all. The problems of ensuring the right to education at the universal level, including those related to changes in the education system caused by the Covid-19 pandemic, have been identified. The purpose of the work, in particular, identification of features of international legal mechanisms for ensuring the right to education, was achieved through the general scientific methods used in the work (dialectical method, methods of analysis, synthesis, induction, deduction) and special scientific methods (legal analysis, comparative legal method). The conclusions formulated in the paper show the need for further improvement of international cooperation between states in the field of providing affordable and high-quality education for all, taking into account the conditions of modern society. The result of the work shows the importance of the right to education for both international and national law, as well as the influence of international education standards on domestic mechanisms for its implementation.

Keywords: the right to affordable and quality education for all peoples of the world, UNESCO, Covid-19

DOI 10.21777/2587-9472-2022-1-48-54

Право на образование является фундаментальным естественным правом человека «второго поколения», значимой сферой жизни людей, государств и всего мирового сообщества, реализация которого способствует социально-экономическому развитию, а также всестороннему развитию личности [1, с. 15]. Значимость обеспечения права на образование обусловлена тем, что данное право

рассматривается в двух аспектах: как непосредственно само право на образование; как средство для реализации иных прав человека во взаимосвязи с целями устойчивого развития¹. Несмотря на особую значимость реализации права на образование, на современном этапе проблема обеспечения доступа к получению образования для всех остается острой и актуальной для многих государств. Кроме того, отсутствие универсальной модели образования на международном уровне вызывает существенную диспропорцию в обеспечении доступа к образованию в различных государствах, что обуславливает необходимость международно-правового сотрудничества [2, с. 105].

Указанные аспекты права на образование подтверждают актуальность рассмотрения международно-правового обеспечения и механизма защиты права на образование. Современные проблемы, вызванные распространением новой коронавирусной инфекции Covid-19, вызвали еще большую обеспокоенность мирового сообщества в области обеспечения доступности качественного образования для всех народов мира.

Право на образование имеет многоаспектный характер, обусловленный такими факторами, как возраст, социально-демографическая категория обучающихся, уровень и характеристики получения образования. На международном уровне предприняты попытки сформулировать минимальные стандарты реализации права на образование, с учетом его названных характеристик. Так, первые шаги к международному сотрудничеству в области образования сделаны путем принятия Всемирной декларации об образовании для всех (Таиланд, 1990 г.)², целью которой являлось обеспечение всеобщего доступа к базовому образованию для всех детей, молодых людей и взрослых. В Дакаре в 2020 г. образован Всемирный форум по образованию³, а также в Декларации тысячелетия сформулированы цели устойчивого развития (далее – ЦУР), одними из которых (ЦУР 4) являются обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех⁴. На Всемирном форуме по образованию в 2015 г. принята Инчхонская декларация, подтвердившая обязательства в отношении образования для всех и определившая новую Глобальную повестку дня в области образования на период до 2030 г.⁵ Кроме того, были приняты отдельные международно-правовые документы, отражающие такие аспекты реализации права на образование, как гендерное равенство и инклюзивность образования, обеспечение права на образование для различных категорий населения, наиболее подверженных ограничению доступа в его получении (инвалиды, женщины, мигранты, беженцы)⁶.

Следует отметить, что на международном уровне предприняты попытки сформировать универсальную модель реализации права на доступное и качественное образование, например в таких до-

¹ Замечания общего порядка 13. Осуществление международного пакта об экономических, социальных и культурных правах // Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, 21-я сессия (15 ноября – 3 декабря 1999 г.). – URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/hri.gen.1.rev9_ru.pdf (дата обращения: 22.02.2022). – Текст: электронный.

² Всемирная декларация об образовании для всех и рамки действий для удовлетворения базовых образовательных потребностей // Всемирная конференция по образованию для всех (Джомтхен, Таиланд, 5–9 марта 1990 г.). – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/jomtien.pdf (дата обращения: 05.02.2022). – Текст: электронный.

³ Дакарские рамки действий «Образование для всех: выполнение наших коллективных обязательств»: [приняты Всемирным форумом по образованию (Дакар, Сенегал, 26–28 апреля 2000 г.)]. – URL: <http://www.un.org/ru/events/literacy/dakar.htm> (дата обращения: 14.01.2022). – Текст: электронный.

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.: [принята на 70-й сессии ООН 21 октября 2015 г.]. – URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 26.12.2021). – Текст: электронный.

⁵ Образование – 2030. Инчхонская декларация и рамочная программа действий по осуществлению цели 4 в области устойчивого развития «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех». Всемирный форум по вопросам образования, 2015 г. – URL: <http://www.gcedclearinghouse.org/sites/default/files/resources/245656r.pdf> (дата обращения: 19.01.2022). – Текст: электронный.

⁶ Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования: [принята 14 декабря 1960 г. Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры на 11-й сессии]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml (дата обращения: 12.01.2022). – Текст: электронный; Конвенция о правах ребенка: [принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 24.01.2022). – Текст: электронный; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: [принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 г.]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 05.02.2022). – Текст: электронный; Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей: [принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1990 г.]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (дата обращения: 05.02.2022). – Текст: электронный.

кументах, как Замечания общего порядка № 13 к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах (далее – Замечания № 13) и Международная классификация образования (далее – МСКО)⁷. Указанные документы отразили характеристики образования, к которым относятся наличие, доступность, приемлемость, адаптируемость (таблица 1), а также в них сформулировано понятие, определены уровни (таблица 2) и виды образования.

Таблица 1 – Основные характеристики права на образование согласно Замечаниям № 13

Критерий	Характеристика
Наличие образования	Обеспечение на территории государства достаточного количества действующих учебных заведений и программ. Между тем понятие «достаточное количество» не раскрывается, а также не проводятся различия термина «достаточность» на разных уровнях образования. В связи с этим существует диспропорция в количестве учебных заведений и программ между государствами, особенно между развитыми и развивающимися государствами, что существенно ограничивает доступ к образованию в менее развитых странах, где количество учебных заведений уступает количеству в более развитых странах
Доступность образования	«Доступность» образования раскрывается тремя компонентами: доступность для всех категорий населения независимо от их социально-демографического положения; физическая доступность посещения учебных заведений; экономическая доступность. Характеризуя экономическую доступность образования, необходимо отметить, что на универсальном уровне гарантируется бесплатное получение только начального образования. Этот фактор существенно затрудняет доступ к получению образования на последующих уровнях малообеспеченных слоев населения, что приводит к несоответствию права на образование таких групп населения, как «городское и сельское», «богатые и бедные», особенно в развивающихся странах, ограничивая доступ к получению образования более высшего уровня менее защищенных слоев населения
Приемлемость образования	Форма и содержание образования должны быть приемлемы, адекватны и качественны, а также они должны учитывать культурные особенности учащихся, их родителей. При этом обеспечение «приемлемости» образования делегируется государствам, не устанавливая при этом минимальных стандартов на универсальном уровне
Адаптируемость образования	Заключается в гибкости образования и его способности учитывать новые потребности общества и учащихся. Особо данный критерий показал свою значимость в связи с пандемией Covid-19, т.е. благодаря мерам реагирования, принятым для организации бесперебойного учебного процесса правительствами и партнерами во всем мире, в том числе в рамках Глобальной коалиции по вопросам образования под эгидой ЮНЕСКО, были разработаны решения для дистанционного обучения, что показало адаптацию процесса обучения в связи с изменяющимися условиями

Таблица 2 – Уровни образования согласно Замечаниям № 13 и МСКО

Уровень образования	Характеристика
Дошкольное образование	Данный уровень образования отмечается в МСКО и определяется как период от рождения до поступления в школу, включая образование детей младшего возраста, т.е. в среднем составляет 0–8 лет. Международное право не представляет четких формулировок о праве на дошкольное образование, но, тем не менее, в ЦУР подчеркивается его важность, а именно определяется приверженность к равному доступу и качеству дошкольного образования. Отмечается недостаточное развитие национальных правовых норм в различных странах по сравнению с начальным и средним образованием. Кроме того, Комитет по правам ребенка рекомендует государствам рассматривать вопрос о том, чтобы дошкольное образование стало неотъемлемой частью основного, начального образования
Начальное образование	Данный уровень образования наиболее гарантирован в международном праве, а именно несколькими основополагающими международно-правовыми документами <i>гарантируются бесплатность и обязательность начального образования</i> . Последующие уровни образования не рассматриваются как обязательные для получения, а также не гарантируется получение образования на последующих уровнях на бесплатной основе, т.е. выражается лишь тенденция к «постепенному переходу к бесплатному образованию». Замечания № 13 акцентируют внимание на том, что базовое образование не ограничивается начальным образованием. МСКО определяет возраст для получения начального образования – 5–15 лет
Среднее образование	В Замечаниях № 13 среднее образование определяется как «открытое и доступное для всех» и рассматривается как конечный этап базового образования, содержание и формы осуществления которого делегируются государствам. Бесплатность получения среднего образования не гарантируется. МСКО выделяет первый и второй уровни среднего образования, определяя возрастную границу получения среднего образования – 19 лет. При этом окончание среднего образования в основном рассматривается как получение школьного образования

⁷ Международная стандартная классификация образования: [принята на 36-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (ноябрь, 2011 г.)]. – URL: <http://www.uis.unesco.org/sites/default/files/documents/iscde-2011-ru.pdf> (дата обращения: 12.01.2022). – Текст: электронный.

Высшее образование	В МСКО рассматриваются этапы высшего образования как обучение по программам бакалавриата или его эквивалента, а также магистратуры. В Замечаниях № 13 подчеркивается, что на данном этапе международным правом не устанавливаются «различные формы» получения высшего образования, но определяется, что высшее образование должно быть гибким, в том числе заочным, одинаково доступным для всех, однако только на оценке знаний и опыта
Элементарное образование	В Замечаниях № 13 <i>элементарное образование</i> заключается в обеспечении образования тем, кто не удовлетворил свои базовые образовательные потребности. Элементарное образование не ограничивается каким-либо возрастом обучающегося. МСКО выделяет в данном аспекте уровень образования – докторантуру, а также ее эквиваленты

Кроме того, на универсальном уровне предусмотрен и механизм защиты права на образование. В этой связи договорные органы ООН, такие как Совет по правам человека и назначаемый им Специальный докладчик⁸, ЮНЕСКО⁹, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет по правам ребенка, Комитет по правам инвалидов, ведут обширную работу в сфере обеспечения права на образование для всех. Помимо институциональных органов ООН, право на образование является одним из направлений деятельности ЮНИСЕФ¹⁰ и Инициативы «Право на образование», которые обобщают международный и региональный опыт, проблемы и возможности защиты права на образование в различных странах. Кроме того, на универсальном уровне неоднократно подчеркивалось, что поскольку право на образование является международно признанным правом в области прав человека, само право на образование и все его аспекты подлежат судебной защите внутри национальной правовой системы¹¹.

Тем не менее, несмотря на активное международно-правовое сотрудничество в области реализации права на доступное и качественное образование для всех, проблема обеспечения всеобщей доступности к получению образования на протяжении всей жизни не была разрешена, что обусловлено причинами, которые будут приведены далее [3, с. 10].

Во-первых, на международном уровне отсутствует единый документ, закрепляющий обязательные для всех государств уровни и стандарты получения образования. Так, все международно-правовые документы, закрепляющие право на образование, такие как Всеобщая декларация прав человека, Замечания № 13 и МСКО, гарантируют обязательность и бесплатность только начального образования. С учетом гарантированности обязательности и бесплатности лишь одного уровня образования – начального, на международном уровне назрела тенденция сосредоточения внимания главным образом на школьном образовании [4, с. 29]. Это положение существенно влияет на реализацию права на образование на иных уровнях, таких как дошкольное, среднее, среднее профессиональное, высшее образование, и создает диспропорцию доступности получения образования на различных уровнях между государствами¹².

Особо проблему обеспечения доступности образования на иных уровнях подчеркивает ЮНЕСКО. В частности, ЮНЕСКО отмечает необходимость инклюзивного дошкольного образования, в настоящее время отличающегося сильной диспропорцией в странах с низким и средним доходом, в которых малая доля детей получают дошкольное образование¹³. Кроме того, ЮНЕСКО особо выделяет высшее образование и необходимость обеспечения равного доступа к качественному высшему образованию, укреплению национального потенциала в обеспечении доступного (с учетом экономической, социально-демографической доступности) высшего образования¹⁴. Так, обращаясь к статистическим данным

⁸ Отчет Специального докладчика по праву на образование от 20 июля 2020 г. «О взаимосвязи прав на образование, воду и санитарии». – URL: <http://www.undocs.org/A/75/178> (дата обращения: 03.02.2022). – Текст: электронный.

⁹ Доклад комиссии по образованию ЮНЕСКО от 20 ноября 2019 г. – URL: http://www.un.org/unispal/wp-content/uploads/2019/12/UNESCO40C.91r_221119.pdf (дата обращения: 24.01.2022). – Текст: электронный.

¹⁰ Отчет ЮНИСЕФ от 2020 г. «Цель 2. Каждый ребенок учится». – URL: <http://www.unicef.org/media/102271/file/Global-annual-results-report-2020-goal-area-2.pdf> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

¹¹ Международная защита прав человека: учеб. пособие / отв. ред. А.Х. Абашидзе. – Москва: РУДН, 2017. – С. 243.

¹² Право на образование. Динамика и политики: обещания и реальность. – URL: <http://www.gse.nu.edu.kz/wp-content/uploads/2020/02/norag-special-issue-01-russian-1.pdf> (дата обращения: 18.01.2022). – Текст: электронный.

¹³ Программный документ «Отчет ЮНЕСКО о глобальном мониторинге образования "С самого начала: построение инклюзивного общества с помощью инклюзивного дошкольного образования"». – URL: <http://www.unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378078/PDF/378078eng.pdf.multi> (дата обращения: 28.01.2022). – Текст: электронный.

¹⁴ Региональный консультационный документ ООН Группы развития Европы и Центральной Азии «На пути к устойчивости и всеобщему процветанию в Европе и Центральной Азии». – URL: http://www.unsdg.un.org/sites/default/files/RAP_Russian.pdf (дата обращения: 03.02.2022). – Текст: электронный.

обеспечения дошкольного образования, только 51 из 184 стран (28 %) сделали дошкольное образование обязательным, из которых оно обязательно в течение одного года в 29 странах, двух лет – в 13, трех и более лет – в 9. Доля стран, которые ввели обязательное дошкольное образование, колеблется от нуля в арабских государствах до 55 % в Латинской Америке и Карибском бассейне [5, с. 66].

Во-вторых, гарантированность обязательности начального образования не обеспечила всеобщего охвата начальным образованием, что обусловлено в большей степени проблемами неравенства социально уязвимых категорий населения [6, с. 149]. Так, по состоянию на 2017 г. начальное образование получали 92 % детей во всем мире. С 1990 г. количество учащихся в начальной школе увеличилось с 81 до 92 %, однако часть Африки к югу от Сахары отстает от этих показателей, количество получающих или получивших первичное образование достигло 69 %. По данным на 2020 г. 258 млн детей, подростков и молодых людей (17 %) от общего числа не посещают школу. Диспропорции в отношении посещаемости в разбивке по уровню благосостояния весьма значительны: среди 65 стран с низким и средним уровнем доходов средний разрыв в коэффициентах посещаемости между 20 % самых бедных и 20 % самых богатых домохозяйств составляет 9 % для детей младшего школьного возраста, 13 % – для подростков в возрасте учащихся младших классов средней школы, 27 % – для молодежи в возрасте учащихся старших классов средней школы¹⁵.

В-третьих, помимо проблемы обеспечения доступности образования остро стоит проблема получения качественного образования. Международно-правовой уровень не устанавливает минимальные стандарты качества образования, в том числе с учетом обеспечения права на образование для уязвимых групп населения [7, с. 151]. Тем не менее, важность предоставления качественного образования подтверждает в своих докладах и ЮНЕСКО, отмечая, что грамотность, наличие высококачественной и инклюзивной системы образования расширяют возможности людей, позволяют им в полной мере участвовать в жизни общества и способствуют улучшению условий жизни. Она является движущей силой устойчивого развития, поскольку обеспечивает более широкое участие на рынке труда, улучшает здоровье и питание детей и семей, сокращает бедность и расширяет жизненные возможности [8, с. 79].

Особо стоит отметить изменения в области образования, вызванные пандемией коронавирусной инфекции Covid-19, которая привела к крупнейшему сбою в системе образования, закрытию учебных заведений, что охватило 94 % мирового контингента учащихся, усугублению существовавшей ранее проблемы неравенства в сфере образования. Пандемия Covid-19 привела к негативным последствиям и вне рамок обеспечения права на образование, но непосредственно связанным с ним, например таким как организация питания, предоставление услуг детям. Кроме того, необходимость перехода на обучение с применением дистанционных технологий вызвала во многих государствах проблемы с обеспечением предоставления обучения с помощью информационно-телекоммуникационной системы Интернет из-за ее отсутствия в некоторых государствах у большинства населения¹⁶.

Таким образом, рассмотрев основные направления, а также выявленные проблемы международно-правового обеспечения права на доступное и качественное образование для всех, с учетом современных вызовов, можно сформулировать следующие выводы:

1) право на образование – одно из основополагающих прав человека, имеющее значение для реализации иных прав;

2) на универсальном уровне наблюдается тенденция активного международного сотрудничества по различным направлениям реализации права на образование, однако проблема обеспечения доступности получения образования на всех его уровнях, начиная с дошкольного и заканчивая высшим образованием и образованием «третьего поколения» для всех, остается неразрешенной. Многочисленные международно-правовые документы, а также механизмы обеспечения права на образование, не отра-

¹⁵ Резюме всемирного доклада по мониторингу образования «Инклюзивность и образование: для всех означает для всех». – URL: http://www.gcedclearinghouse.org/sites/default/files/resources/200213rus_0.pdf (дата обращения: 15.01.2022). – Текст: электронный.

¹⁶ Отчет Специального докладчика по праву на образование от 20 июня 2020 г. «О влиянии кризиса COVID-19 на право на образование». – URL: <http://www.undocs.org/A/HRC/44/39> (дата обращения: 25.12.2021). – Текст: электронный; Концептуальная записка ООН «Образование в эпоху Covid-19 и в последующий период». – URL: http://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_-_education_during_covid-19_and_beyond_russian.pdf (дата обращения: 16.01.2022). – Текст: электронный.

жают в полной мере всю многоаспектность права на образование и не устанавливают единой модели получения образования на протяжении всей жизни на различных уровнях. Это порождает диспропорцию между более развитыми и менее развитыми странами в аспекте доли получающих дошкольное, школьное, высшее образование, а также диспропорцию обеспечения равного доступа к получению образования различных групп населения, особенно тех, которые находятся в уязвимом положении;

3) на сегодняшний день особое внимание уделяется проблемам обеспечения доступного и качественного образования, вызванным пандемией Covid-19, т.к. многие государства не были готовы к новым реалиям необходимости организации системы образования, в частности вызванным введением дистанционных технологий;

4) как продолжение предыдущих выводов, на международно-правовом уровне особо отмечается, что не выработаны единые универсальные обязательные уровни и стандарты образования, в связи с чем усилия в области развития образования свелись к стремлению обеспечить всеобщий охват лишь школьным образованием, что существенно уменьшило внимание к другим важнейшим вопросам реализации доступности образования, таким как обеспечение доступности иных уровней образования, оценки качества образования. В связи с этим для полноценного обеспечения права на образование необходим подход к обеспечению права на образование как инклюзивного и справедливого качественного образования, а также возможности непрерывного обучения для всех, которое выходит за рамки начального образования, в том числе с учетом необходимости обеспечения образования в условиях пандемии Covid-19 и развития дистанционных технологий.

Список литературы

1. *Карпетян Г.А.* Принцип доступности права на образование (международный аспект) // Интерактивная наука. – 2017. – № 7. – С. 15–19.
2. *Шабалина О.Л., Шабалин Г.Ю.* Генезис права на образование в международном праве // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2015. – Т. 1, № 4. – С. 104–108.
3. *Бердникова Д.Б.* Международно-правовой механизм обеспечения реализации права на образование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – Екатеринбург, 2019. – 25 с.
4. *Кавиев А., Дмитриева Ю.Л., Бурдо Е.П., Гаранина И.Г.* Место инклюзивного образования в международном праве прав человека на современном этапе // Адвокатура как институт гражданского общества: тенденции развития и перспективы: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. – Йошкар-Ола: Межрегиональный открытый социальный институт, 2016. – С. 27–33.
5. *Бабуркин С.А.* Право на образование: некоторые сложности реализации // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: региональное измерение: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (г. Хабаровск, 13 сентября 2017 г.). – Хабаровск: Дальневосточный институт управления (филиал РАНХИГС), 2017. – С. 63–69.
6. *Юркова М.А.* Особенности международного образовательного законодательства // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 1. – С. 145–155.
7. *Гусейнова К.Н.* Право человека на высшее образование по международному праву и проблемы его обеспечения в условиях глобализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – Москва, 2015. – 210 с.
8. *Остапец О.Г., Карномазова А.А.* Право на образование в контексте национального и международного права // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2019. – № 1. – С. 77–82.

References

1. *Karapetyan G.A.* Princip dostupnosti prava na obrazovanie (mezhdunarodnyj aspekt) // Interaktivnaya nauka. – 2017. – № 7. – S. 15–19.
2. *Shabalina O.L., Shabalin G.Yu.* Genezis prava na obrazovanie v mezhdunarodnom prave // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki”. – 2015. – T. 1, № 4. – S. 104–108.
3. *Berdnikova D.B.* Mezhdunarodno-pravovoj mekhanizm obespecheniya realizacii prava na obrazovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.10. – Ekaterinburg, 2019. – 25 s.

4. *Kaviev A., Dmitrieva Yu.L., Burdo E.P., Garanina I.G.* Mesto inklyuzivnogo obrazovaniya v mezhdunarodnom prave prav cheloveka na sovremennom etape // Advokatura kak institut grazhdanskogo obshchestva: tendencii razvitiya i perspektivy: sb. st. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Joshkar-Ola: Mezhhregional'nyj otkrytyj social'nyj institut, 2016. – S. 27–33.
5. *Baburkin S.A.* Pravo na obrazovanie: nekotorye slozhnosti realizacii // Aktual'nye voprosy obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina: regional'noe izmerenie: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Habarovsk, 13 sentyabrya 2017 g.). – Habarovsk: Dal'nevostochnyj institut upravleniya (filial RANHIGS), 2017. – S. 63–69.
6. *Yurkova M.A.* Osobennosti mezhdunarodnogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. – 2021. – № 1. – S. 145–155.
7. *Gusejnova K.N.* Pravo cheloveka na vysshee obrazovanie po mezhdunarodnomu pravu i problemy ego obespecheniya v usloviyah globalizacii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.10. – Moskva, 2015. – 210 s.
8. *Ostapets O.G., Karnomazova A.A.* Pravo na obrazovanie v kontekste nacional'nogo i mezhdunarodnogo prava // Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo. – 2019. – № 1. – S. 77–82.

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 1 (31)' 2022

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор

Голованова Е.В.

Компьютерная верстка

Савеличев М.Ю.

Переводчик

Грибов В.В.

Электронное издание.

Подписано в тираж 11.06.2022.

Печ. л. 6,75. Усл.-печ. л. 6,28. Уч.-изд. л. 4,7.

Объем 1,18 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 22-0051.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов

ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,

115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,

тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.